

ИГРА ТРОНОВ

Часть II

+18

Художник
Гэд Нэсмит

Джордж
МАРТИН

Джордж Рэймонд Ричард Мартин

Игра престолов. Часть II

Серия «Песнь Льда и Огня (Иллюстрированная)», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8912304

Игра престолов. Часть II: [роман] / Джордж Р.Р. Мартин: АСТ;

Москва; 2015

ISBN 978-5-17-090635-2

Аннотация

Лорды и герои, воины и чернокнижники совершают великие деяния и предательства, плетут политические интриги, борются за власть, любят и погибают – все ради того, чтобы исполнилось древнее пророчество о мире Семи Королевств – мире суровых земель вечного холода и цветущих земель вечного лета.

За спинами героев уже плетутся сети интриг, и не известно, какая фигура окажется очередной жертвой в игре престолов. А между тем зима приближается... Кто погибнет, кто выживет в борьбе за Железный трон?

Первая часть саги Джорджа Мартина с уникальными иллюстрациями канадского художника Тэда Нэсмита.

Содержание

Эддард	8
Кэтлин	20
Джон	42
Тирион	56
Эддард	74
Санса	90
Эддард	104
Дэйнерис	119
Эддард	139
Джон	162
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Джордж Мартин

Игра престолов. Часть II

George R. R. Martin

A Game of Thrones. Volume Two

Copyright © George R. R. Martin, 1996

All artwork Copyright © Ted Nasmith, 2015. All Rights

Reserved

© Ю. Р. Соколов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Посвящается Мелинде

Север

Стылый
берег

Проклятый
лес

Стена

Суме-
речная
башня

Черный
замок

Восточный
Дозор-у-Моря

Тюле-
ний
замки

Ледовый
залив

Медвежий
остров

Последняя река

Каргола

Долины лес

Дредфорт

Винтерфелл

Коралловый
трюк

Белая Нож

Курганы

Белая Гавань

Влаовий Дозор

Ров Кайлин

Перешеек

Дозор
в Сероводье

Челюсти

Три Сестры

Персты

Железные
острова

Близнецы

Сигара

Ледяной
Зубец

Синий
Зубец

Красный
Зубец

Риверран

Орлиное
гнездо

Кровавые Ворота

Долина Аррен

Карту составил
Дэвид
Синклер

Эддард

Ему снился старый сон: трое рыцарей в белых плащах, давно разрушенная башня и Лианна на окровавленном ложе.

Во сне с ним были друзья, как и тогда, в жизни. Гордый Мартин Кассель, отец Джори; верный Тео Вулл; Итан Гловер, бывший тогда оруженосцем Брандона, сир Марк Рисвелл, мягкоречивый и благородный сердцем; островной житель Хоулэнд Рид; лорд Дастин на своем огромном рыжем коне. Нед знал их лица, как свое собственное; но годы вторгаются в воспоминания, даже те, которые он поклялся не забывать. Во сне они были только тенями, серыми призраками на лошадях, сотканных из тумана.

Всемером они стояли перед троими – во сне, как и в жизни. Но троих трудно было назвать обыкновенными воинами. Они ожидали перед круглой башней, позади краснели Дорнийские горы, белые плащи раздувал ветер. Они не превратились в тени – лица оставались ясными даже теперь. Сир Артур Дейн, Меч Зари, скорбно улыбался. Рукоять двуручного меча Рассвет поднималась над его правым плечом. Сир Освелл Уэнт, припав на одно колено, правил клинок точилом. На белой эмали шлема расправляла крылья черная летучая мышь его дома. Между ними стоял свирепый сир Герольд Хайтауэр, Белый Бык, лорд-командующий Королевской гвардии.

– Я искал вас у Трезубца, – сказал Нед.

– Нас там не было, – отвечал сир Герольд.

– Горе постигло бы узурпатора, если бы мы там были, – проговорил сир Освелл.

– Когда пала Королевская Гавань и сир Джейме убил вашего короля золотым мечом, я гадал, где вы были.

– Мы были далеко, – отвечал сир Герольд. – Иначе Эйрис по-прежнему сидел бы на Железном троне, а наш брат-предатель горел бы в семи преисподних.

– Я поехал на юг, к Штормовому Пределу, чтобы снять осаду, – сказал ему Нед. – Там лорды Тирелл и Редвин сложили знамена, а все их рыцари преклонили колена в знак верности. Я был уверен, что вы окажетесь среди них.

– Мы так просто не сдаемся, – проговорил сир Артур Дейн.

– Сир Уиллем Дарри бежал на Драконий Камень с вашей королевой и принцем Визерисом. Я думал, что вы будете сопровождать их.

– Сир Уиллем человек добрый и верный, – заметил сир Освелл.

– Но он не принадлежит к числу гвардейцев, – возразил сир Герольд. – Королевская гвардия никогда не бежит.

– Ни прежде, ни теперь, – подтвердил сир Артур, надевая шлем.

– Мы дали обет, – пояснил старый сир Герольд.

Призраки зашевелились возле Неда с призрачными мечами.

ми в руках. Их было семеро против троих.

– Ну а теперь начнем, – сказал сир Артур Дейн, Меч Зари. Он извлек Рассвет и взялся за рукоять обеими руками. Бледный, как молочное стекло, клинок горел живым светом.

– Нет, – ответил Нед со скорбью в голосе. – Теперь и закончим. – И когда они сошлись вместе в схватке стали и тени, он услышал крик Лианны:

– *Эддард!*

Ветер бросил на кровавое небо тучу лепестков розы, синих, как глаза смерти.

– Лорд Эддард, – вновь позвала Лианна.

– Обещаю, – прошептал он. – Лиа, я обещаю...

– Лорд Эддард! – послышался мужской голос из тьмы.

Со стоном Эддард Старк открыл глаза, лунный свет вливался сквозь высокие окна башни Десницы.

– Лорд Эддард? – Над постелью склонилась тень.

– Как... как долго? – Простыни сбились, нога в лубке, в боку пульсирует боль.

– Шесть дней и семь ночей. – Голос принадлежал Вейону Пулу. Стюард поднес чашу к губам Неда. – Выпейте, милорд.

– Что?..

– Чистая вода. Мэйстер Пицель сказал, что вам захочется пить.

Нед глотнул. Сухие губы потрескались. Вода оказалась сладкой, как мед.

– Король оставил приказ, – проговорил Вейон Пул, когда

чаша опустела. — Он желает поговорить с вами, милорд.

— Завтра, — сказал Нед. — Когда я окрепну.

Он не мог сейчас встретить Роберта лицом к лицу, сон лишил его сил, сделал слабым, как котенка.

— Милорд, — проговорил Пул, — король приказал прислать вас к нему, как только вы откроете глаза. — Стюард торопливо принялся зажигать свечи.

Нед тихо ругнулся. Роберт никогда не был известен своим терпением.

— Передай королю, что я слишком слаб, чтобы явиться к нему. Если он хочет переговорить со мной, я буду рад принять его у себя. Надеюсь, ты его разбудишь. И позови... — Нед уже собрался назвать Джори, когда вспомнил. — Позови капитана моей стражи.

Алин вступил в опочивальню через мгновение после того, как стюард откланялся.

— Милорд!

— Пул утверждает, что прошло шесть дней, — сказал Нед. — Я должен знать положение дел.

— Цареубийца бежал из города, — доложил Алин. — Говорят, что он направился в Утес Кастерли к своему отцу. Повесть о том, как леди Кэтлин захватила Беса, у всех на устах. Я выставил дополнительную стражу, если вы не против.

— Не против, — заверил его Нед. — Как дочери?

— Они посещали вас каждый день, милорд. Санса тихо молится, но Арья... — он помедлил, — не произнесла ни слова

после того, как вас принесли сюда. Такая свирепая кроха. Я никогда не видел подобной ярости в девочке.

– Что бы ни случилось, – проговорил Нед, – я хочу, чтобы дочери мои были в безопасности. Боюсь, что это только начало.

– С ними не случится плохого, лорд Эддард, – заверил Алин. – Пока я жив.

– А Джори и все остальные...

– Я передал останки Молчаливым Сестрам, чтобы их отослали на север, в Винтерфелл. Джори хотел бы лежать возле своего деда...

...Возле деда, ведь отец Джори был похоронен далеко на юге. Мартин Кассель погиб вместе с остальными. Тогда Нед велел разрушить башню и сложить из ее кровавых камней восемь кэрнов на гребне. Говорили, что Рэйгар называл это место Башней Счастья, но у Неда с ней были связаны горькие воспоминания. Да, их было семеро против троих, но лишь двое смогли покинуть это место: сам Эддард Старк и маленький островной житель Хоуленд Рид. Эддард не усматривал доброго предзнаменования в том, что сон этот приснился ему снова после столь многих лет.

– Ты распорядился правильно, Алин, – проговорил Нед, увидев возвратившегося Вейона Пула. Стюард поклонился.

– Его светлость здесь, милорд, а вместе с ним и королева.

Нед подвинулся выше, дернулся, когда ногу пронзила боль. Он не рассчитывал увидеть Серсею. Встреча эта не су-

лила добра.

– Впусти их и оставь нас. Наши слова не должны выйти за пределы этих стен.

Пул молча вышел.

Роберту хватило времени, чтобы облачиться в черный бархатный дублет с коронованным оленем Баратеонов, вышитым на груди золотой ниткой, и золотую мантию под плащом из светлых и темных квадратов. Рука короля держала бутылку вина, лицо его покраснелось после выпивки. Серсея Ланнистер вошла следом, волосы ее украшала усыпанная самоцветами тиара.

– Ваша светлость, – проговорил Нед, – прошу прощения, но я не могу подняться.

– Ерунда, – отозвался король ворчливо. – Хочешь вина? Из Арбора. Хороший урожай.

– Только немного, – сказал Нед. – Голова моя еще тяжела после макового молока.

– Человек на вашем месте должен радоваться тому, что голова его вообще еще остается на плечах, – объявила королева.

– Тихо, женщина! – отрезал Роберт. Он поднес Неду чашу вина. – Нога еще болит?

– Немного, – отвечал Нед. Голова его пылала, но он не хотел признаваться в слабости перед королевой.

– Пицель утверждает, что нога заживет. – Роберт нахмурился. – Как я понимаю, тебе известно, что сделала Кэтлин?

– Так-то оно так. – Нед отпил вина. – Но моя леди-жена не виновна в своем поступке, ваша светлость. Она сделала это по моему распоряжению.

– Я недоволен тобой, Нед, – буркнул Роберт.

– По какому праву вы смеете прикасаться к моим родственникам? – потребовала ответа Серсея. – Кем, по-вашему, вы являетесь?

– Десницей короля, – ответил ей Нед с ледяной любезностью. – Иначе говоря, персоной, которую ваш лорд-муж обязал поддерживать в королевстве мир и выполнять королевское правосудие.

– Вы *были* десницей, – начала Серсея, – но теперь...

– *Молчать!* – взревел король. – Ты спросила его, и он ответил... – Серсея умолкла в холодном гневе, и Роберт повернулся к Неду: – Чтобы поддерживать в королевстве мир, ты говоришь? Так вот как ты поддерживаешь мир, Нед? Погибло семеро...

– Восьмеро, – поправила королева. – Трегар умер сегодня утром от удара, полученного им от лорда Старка.

– Похищение на Королевском тракте и пьяное побоище на моих улицах, – проговорил король. – Я этого не потерплю.

– У Кэтлин были все причины, чтобы арестовать Беса...

– Я сказал, что не потерплю этого! В пекло все причины. Ты прикажешь ей немедленно отпустить карлика и помиришься с Джейме.

– Трое моих людей погибли на моих глазах, потому что

Джейме Ланнистер пожелал *покарать* меня. Неужели я должен это забыть?

– Мой брат не был причиной ссоры, – сказала королю Серсея. – Лорд Старк пьяным возвращался из борделя. Люди его напали на Джейме и его стражу – именно так, как жена его схватила Тириона на Королевском тракте.

– Не верь этому, Роберт, ты знаешь меня, – проговорил Нед. – Спроси лорда Бэйлиша, если сомневаешься. Он был там.

– Я говорил с Мизинцем, – ответил Роберт. – Он сказал, что поехал за золотыми плащами до того, как началась схватка, но он признает, что вы возвращались из какого-то борделя.

– *Какого-то* борделя? Разуи свои глаза, Роберт, я ездил туда посмотреть на твою дочь! Мать назвала ее Баррой, она похожа на твою первую девочку, которая родилась в Долине, когда мы были мальчишками. – Говоря эти слова, он глядел на королеву, лицо которой превратилось в застывшую маску, бледную и ничего не выражающую.

Роберт покраснел.

– Барра, – пророкотал он. – Решила сделать мне приятное, проклятая девка. Я думал, что она поумнее.

– Ей нет и пятнадцати, она уже шлюха, и ты считаешь, что она может быть *умной*? – ответил, не веря себе, Нед. Нога его отчаянно разболелась, и трудно было сдержаться. – Дурочка любит тебя, Роберт.

Король поглядел на Серсею.

– Тема эта не подходит для ушей королевы.

– Ее светлости не понравится все, что я могу сказать, – заметил Нед. – Мне передали, что Цареубийца бежал из города. Прикажи мне вернуть его и поставить перед правосудием.

Король задумчиво покрутил чашу с вином и пригубил.

– Нет, – решил он. – С меня довольно. Джейме убил у тебя троих, ты у него пятерых. На этом и закончим.

– Таково, значит, твое представление о справедливости? – вспыхнул Нед. – Я рад, что больше не являюсь твоим десницей.

Королева поглядела на мужа:

– Если бы какой-нибудь человек осмелился обратиться к Таргариену, как говорит с тобой этот...

– Ты что, принимаешь меня за Эйриса? – прервал ее Роберт.

– Я принимаю тебя за *короля*! Джейме и Тирион твои братья по законам брака и родственных связей. Старки изгнали одного из них и захватили другого. Человек этот бесчестит тебя каждым своим дыханием, и ты кротко стоишь здесь, спрашиваешь, болит ли его нога и не хочется ли ему вина?

Роберт потемнел от гнева.

– Сколько раз, женщина, должен я приказывать тебе попридержать язык?

Лицо Серсеи изобразило все оттенки презрения.

– Как же это нас перепутали боги? – сказала она. – По всем правилам, тебе следовало бы носить юбку, а мне броню.

Багровый от гнева король ударил ее тыльной стороной ладони по щеке, Серсея наткнулась на стол и тяжело упала, но не вскрикнула. Тонкие пальцы легли на щеку, бледная и гладкая кожа покраснела. На следующее утро синяк, это уж точно, зальет половину ее лица.

– Буду носить его как знак чести, – объявила она.

– Только носи в молчании, иначе я еще раз почту тебя, – посулил Роберт. Он кликнул гвардейцев.

В комнате появился сир Меррин Трант, высокий и хмурый в своей белой броне.

– Королева устала. Проводи ее в опочивальню. – Не говоря ни слова, рыцарь помог Серсее подняться на ноги и вывел ее.

Роберт потянулся к бутылке и вновь налил свою чашу.

– Теперь видишь, что она со мной делает, Нед. – Король опустился в кресло, сжимая чашу с вином. – Любящая жена, мать моих детей. – Ярость оставила его, в глазах короля Нед теперь видел скорбь и даже испуг. – Мне не следовало бить ее. Это не... это не *королевский* поступок. – Он поглядел на руки, словно бы не вполне понимая, что они собой представляют. – Я всегда был силен... никто не мог выстоять передо мной. Никто. Но как бороться с тем, кого нельзя ударить? – В смятении король потряс головой. – Рэйгар... Рэйгар *победил*, проклятье! Я убил его, Нед, я вонзил шип в его

черный доспех, в его черное сердце, и он умер у моих ног. Об этом поют песни. И все же он каким-то образом победил. Теперь он с Лианной, а я – с *ней*. – Он осушил чашу.

– Ваша светлость, – сказал Нед, – мы должны перегово-
рить...

Роберт прижал пальцы к вискам.

– Меня смертельно тошнит от разговоров. Утром я от-
правляюсь в Королевский лес на охоту. Все, что ты хочешь
сказать, может подождать до моего возвращения.

– Если боги будут милосердны, меня здесь уже не будет.
Ты приказал мне возвращаться в Винтерфелл, помнишь?

Роберт встал, ухватившись за один из столбиков кровати,
чтобы устоять.

– Боги редко бывают добры, Нед. На вот, это твое. –
Из кармана в подкладке плаща он достал тяжелую застеж-
ку в форме руки и бросил на постель. – Нравится тебе это
или нет, но ты остаешься моим десницей, чтоб тебя! Я за-
прещаю тебе уезжать.

Нед взял серебряную застежку. Похоже, у него не остава-
лось выбора. Нога его пульсировала, он чувствовал себя бес-
помощным, как ребенок.

– Наследница Таргариенов...

Король застонал:

– Семь преисподних, не начинай сначала этот разговор.
С этим покончено, я не желаю больше слышать об этом!

– Почему ты хочешь, чтобы я был твоим десницей, если

не желаешь слушать моих советов?

– Почему? – Роберт расхохотался. – А почему бы и нет? Кому-то ведь надо править этим проклятым королевством! Бери знак своей власти, Нед. Он тебе идет. Но если ты еще хоть раз бросишь его мне в лицо, клянусь, я сразу же приколю проклятую штуковину на грудь Джейме Ланнистера.

Кэтлин

Восточный небосклон порозовел и зазолотился, когда солнце поднялось над Долиной Арренов. Положив руки на изящную каменную балюстраду за окном, Кэтлин Старк следила, как разливается свет. Мир внизу пробуждался: становился из черного индиговым, а потом зеленым, рассвет крался уже по полям и лесам. Бледный туман поднимался от Слез Алисы, оттуда, где призрачный поток срывался со склона горы, чтобы начать свое долгое падение вдоль Копья великана; Кэтлин даже ощущала лицом слабое прикосновение влаги.

Алиса Аррен увидела смерть своего мужа, братьев и всех своих детей, однако при жизни не пролила ни слезинки, посему после смерти боги велели ей не знать усталости, пока слезы ее не увлажнят черную землю Долины, в которую ушли люди, некогда любимые ею. Алиса умерла шесть тысяч лет назад, но до сих пор ни одна капля потока еще не достигла почвы Долины. Кэтлин попыталась представить, каким будет водопад ее собственных слез после смерти.

– Рассказывайте остальное, – сказала она.

– Цареубийца собирает войско у Утеса Кастерли, – ответил сир Родрик Кассель из комнаты позади нее. – Ваш брат пишет, что он послал гонцов на Утес, потребовав, чтобы лорд Тайвин открыл свои намерения, но тот ему не отве-

тил. Эдмур приказал лорду Вэнсу и лорду Пайперу охранять проход под Золотым Зубом. Он обещает вам, что не отдаст ни пяди земли дома Талли, не увлажнив ее кровью Ланнистеров.

Кэтлин отвернулась от восходящего солнца. Краса его не слишком-то утешала. Казалось жестоким, что день, начинающийся с такой красоты, обещал закончиться столь отвратительно.

– Эдмур шлет гонцов и дает клятвы, – сказала она. – Но Эдмур не лорд Риверрана. Что слышно о моем лорде-отце?

– В послании не упоминалось о лорде Хостере, миледи. – Сир Родрик потянул себя за бакенбарды. Пока он оправлялся от своих ран, они отросли – белые, словно снег, и жесткие, как колючий кустарник; старый мастер над оружием снова стал почти похож на себя самого.

– Отец не поручил бы оборону Риверрана Эдмуру, если бы не чувствовал себя очень плохо, – сказала она озабоченно. – Надо было разбудить меня сразу, как только прилетела эта птица.

– Ваша леди-сестра посчитала, что вам лучше поспать, так сказал мэйстер Колмон.

– Меня надо было разбудить, – настаивала она.

– Мэйстер сказал, что ваша сестра намеревается поговорить с вами после поединка, – продолжил сир Родрик.

– Значит, она все еще не отказалась от этого фарса? –

скривилась Кэтлин. — Карлик сыграл на ней, как на волынке, а Лиза слишком глуха, чтобы слышать мелодию. Чем бы ни кончилось сегодняшнее утро, сир Родрик, нам пора ехать отсюда. Место мое в Винтерфелле — возле моих сыновей. Если у вас хватит сил сесть на коня, я попрошу Лизу, чтобы нам дали отряд, который проводит нас до Чаячьего города. Оттуда мы можем кораблем отправиться домой.

— Опять кораблем? — Сир Родрик буквально на глазах позеленел, однако сдержал дрожь в голосе. — Как прикажете, миледи.

Старый рыцарь остался ждать возле ее двери, когда Кэтлин кликнула выделенных ей Лизой служанок. Надо бы переговорить с сестрой до поединка, быть может, она передумает, прикидывала Кэтлин одеваясь. Политика Лизы зависела от настроения, а настроение ее менялось ежечасно. Робкая девочка, которой сестра была в Риверране, превратилась в женщину, попеременно гордую, пугливую, жестокую, мечтательную, безрассудную, застенчивую, упрямую, тщеславную и, прежде всего, *непостоянную*.

Когда ее подлый тюремщик приполз, чтобы рассказать о признании Тириона Ланнистера, Кэтлин просила Лизу принять карлика с глазу на глаз, но нет, ничто не могло изменить решения сестры, собравшейся блеснуть перед доброй половиной Долины. И теперь еще это...

— Ланнистер — *мой* пленник, — сказала Кэтлин сиру Родрику, когда они спускались по ступенькам башни и шли по хо-

лодным белым залам Орлиного Гнезда. На ней было простое серое шерстяное платье с посеребренным поясом. – Следует напомнить об этом сестре.

У дверей в комнаты Лизы они встретили вышедшего оттуда в гнев дядю Кэтлин.

– Собираетесь поучаствовать в празднике дураков? – воскликнул сир Бринден. – Я бы посоветовал тебе вколотить крупицу здравого смысла в сестрицу, если бы считал, что это возможно. Но ты только отобьешь себе руку.

– Прилетела птица из Риверрана, – начала Кэтлин, – с письмом от Эдмура...

– Я знаю, дитя. – Черная рыба, стягивавшая плащ, была единственным украшением Бриндена. – Мне пришлось узнать об этом от мэйстера Колмона. Я попросил у твоей сестры тысячу опытных людей, чтобы отправиться с ними в Риверран со всей возможной скоростью. И знаешь, что она мне ответила? *«Долина не может выделить не только тысячи мечей, но даже одного, дядя. А ты – Рыцарь Ворот, твое место здесь»*. – Порыв детского смеха вырвался из открытой двери позади них, и Бринден мрачно глянул через плечо. – Ну я и сказал ей, что она вполне может искать себе нового Рыцаря Ворот. Пусть я и Черная Рыба, но я пока еще Талли. И я отъезжаю в Риверран сегодня вечером.

Кэтлин не могла скрыть удивления.

– Один? Ты не хуже меня знаешь, что одному человеку не выжить на высокогорной дороге, а мы с сиром Родриком

возвращаемся в Винтерфелл. Поедем вместе, дядя. Я дам тебе твою тысячу, Риверран не останется в одиночестве.

Бринден подумал мгновение, потом резко кивнул.

– Пусть будет, как ты говоришь. Этот путь до дома долгий, но по нему я скорее туда попаду. Я подожду вас внизу. – Он направился прочь, плащ развевался позади него.

Кэтлин обменялась взглядом с сиром Родриком. Они направились в дверь – на тонкий нервный детский смешок.

Палаты Лизы выходили в небольшой сад, засаженный голубыми цветами, – кружок земли и травы, со всех сторон окруженный высокими белыми башнями. Строители намеревались устроить здесь богорощу, но Орлиное Гнездо лежит на твердом камне, и, сколько бы ни носили земли из долины, чардрево так и не пустило здесь корни. Поэтому лорды Орлиного Гнезда засадили свободное место травой и расставили статуи посреди невысоких цветущих кустарников. Здесь два чемпиона должны были рискнуть, отдав свои жизни и судьбу Тириона Ланнистера в руки богов.

Лиза, принявшая ванну и нарядившаяся в кремовый бархат, дополненный ниткой сапфиров и лунных камней на белой шее, собрала свой двор на террасе над местом сражения и сидела в окружении свиты: рыцарей, а также знатных и не столь уж знатных лордов. Многие среди них все еще надеялись на брак с ней – на ее ложе, на право править Долиной Арренов. Судя по наблюдениям Кэтлин за время пребывания в Орлином Гнезде, надежды их были тщетны.

Для кресла Роберта соорудили деревянный помост, лорд Орлиного Гнезда хихикал и хлопал в ладоши, пока горбатый кукольник в сине-белом шутовском наряде заставлял двух деревянных рыцарей рубить и колоть друг друга. Были выставлены кувшины с густыми сливками и корзинки с ежевикой, гости попивали сладкое, пахнущее апельсинами вино из чеканных серебряных чаш. Бринден назвал это *праздником дураков*, оно и неудивительно.

На той стороне террасы Лиза весело смеялась какой-то шутке сира Хантера и ела ежевику с острия кинжала сира Лина Корбрея. Этих женихов Лиза поощряла более всего... по крайней мере сегодня. Кэтлин едва ли сумела бы сказать, который из двоих менее подходил ей. Изуродованный подагрой Хантер был даже старше Джона Аррена, судьба прокляла его тремя задиристыми сыновьями, один другого жаднее. Выбор сира Лина был безрассуден по другой причине; сухощавый и симпатичный наследник древнего, но обедневшего дома, он был тщеславен, опрометчив и вспыльчив... Кроме того, шептали, что интимные прелести женщин подозрительно мало волнуют его.

Заметив Кэтлин, Лиза приветствовала ее сестринским объятием и влажным поцелуем в щеку.

– Правда, очаровательное утро? Боги улыбаются нам. Отведай вина, милая сестрица. Лорд Хантер любезно прислал нам этот напиток из собственных погребов.

– Спасибо тебе, Лиза, нет. Мы должны поговорить.

– Потом, – обещала сестра, уже отворачиваясь от нее.

– Сейчас, – проговорила Кэтлин более громким голосом, чем хотела. Люди начали оборачиваться. – Лиза, ты ведь не собираешься продолжать это безрассудство. Бес имеет цену, куда он жив. Мертвым он годен только для ворон. Ну а если победит его чемпион...

– На это шансы невелики, миледи, – уверил ее лорд Хантер, похлопав Кэтлин по плечу рукой в старческих пятнах. – Сир Вардис – крепкий боец. Он разделается с наемником.

– Кто знает, милорд? – холодно сказала Кэтлин. – Сомневаюсь. – Она видела Бронна на высокогорной дороге; наемник отнюдь не случайно уцелел в путешествии, когда остальные погибли. В бою он двигался словно пантера, а уродливый меч казался частью его руки.

Женихи Лизы собирались поблизости, как пчелы вокруг цветка.

– Ну, женщины слабо разбираются в подобных вещах, – уверил ее сир Мортон Уэйнвуд. – Сир Вардис – рыцарь, милая леди. А люди, подобные его противнику, в сердце своем всегда трусливы. Окруженные тысячью собратьев, они достаточно полезны в битве, но в поединках мужество оставляет их.

– Положим, что вы правы, – сказала Кэтлин с любезностью, от которой во рту стало больно. – Чего мы добьемся смертью карлика? Или вы воображаете, что Джейме будет разбираться, *судили* его брата или нет, прежде чем сбросить

с горы?

– Обезглавьте его, – посоветовал сир Лин Корбрей. – Когда Цареубийца получит голову Беса, это послужит ему предостережением.

Лиза нетерпеливо тряхнула доходящими до талии темно-рыжими волосами.

– Лорд Роберт желает увидеть, как он полетит, – ответила она, словно это исчерпывало вопрос. – А Бес пусть винит тогда только себя самого. Это он потребовал суда поединком.

– Миледи Лиза не могла достойно отказать ему, даже если бы она захотела, – многозначительно проговорил лорд Хантер.

Игнорируя всех, Кэтлин направила все силы на сестру:

– Напоминаю тебе, Тирион Ланнистер – мой пленник.

– А я напоминаю тебе: этот карлик убил моего лорда-мужа! – Голос Лизы стал громче. – Он отравил десницу короля, оставил мое милое дитя без отца, и теперь я намереваюсь расплатиться с ним! – Резко отвернувшись и взмахнув юбками, Лиза зашагала по террасе. Сиры Лин, Мортен и прочие женихи прохладно откланялись и отправились следом за ней.

– Вы думаете, он это сделал? – негромко спросил сир Родрик, когда они вновь остались одни. – Что Тирион убил лорда Джона? Бес отрицает это самым решительным образом...

– Я полагаю, что лорда Аррена убили Ланнистеры, – ответила Кэтлин, – но кто сделал это – Тирион, сир Джейме,

королева или все они вместе, – сказать не могу.

Лиза называла Серсею в том письме, которое прислала в Винтерфелл, но теперь она казалась уверенной, что именно Тирион был убийцей... не потому ли, что карлик здесь, под рукой, а королева пребывала в безопасности за стенами Красного замка, в сотнях лиг к югу? Кэтлин едва ли не жалела о том, что не сожгла письмо своей сестры *прежде*, чем прочитать его.

Сир Родрик потянул себя за бакенбарды.

– Яд, что ж... Это действительно мог быть и карлик. Или Серсея. Ведь говорят же, что яд – оружие женщины. Прошу вашего прощения, миледи. Но чтобы Цареубийца... я не слишком-то симпатизирую ему, но он не из той породы. Он слишком любит вид крови на своем золотом мече. Яд ли это был, миледи?

Кэтлин нахмурилась, чувствуя смутное беспокойство.

– А как еще можно было сделать смерть похожей на естественную? – Позади нее лорд Роберт заверещал от восторга, когда один из марионеточных рыцарей разрубил другого наполам и из раны на террасу хлынул поток красных опилок. Кэтлин поглядела на племянника и вздохнула. – Мальчишка не знает никакой дисциплины. Он никогда не сделается крепким настолько, чтобы править, если только не забрать его от матери на какое-то время.

– Его лорд-отец был согласен с вами, – сказал голос возле ее локтя. Она обернулась и увидела мэистра Колмона

с чашей вина в руке. – Знаете, он ведь намеревался отослать мальчишку на Драконий Камень... о, но я вмешался в ваш разговор. – Кадык задергался на горле мэстера. – Боюсь, слишком увлекся чудесным вином лорда Хантера. Перспектива кровопролития смущает мои нервы...

– Вы ошибаетесь, мэстер, – сказала Кэтлин. – Речь шла об Утесе Кастерли, а не о Драконьем Камне, и к приготовлениям приступили после смерти десницы без согласия моей сестры.

Голова мэстера так сильно задергалась на его нелепой длинной шее, что он и сам стал похож на марионетку.

– Нет, прошу вашего прощения, миледи, именно лорд Джон...

Внизу громко ударил колокол, и знатные лорды, – а следом за ними и служанки, – оставив свои дела, двинулись к балюстраде. Внизу два стражника в небесно-синих плащах вывели Тириона Ланнистера. Пухлый септон Орлиного Гнезда проводил его в центр сада к вырезанной из белого с прожилками мрамора статуе плачущей женщины, вне сомнения, изображавшей Алису.

– Скверный коротышка, – сказал лорд Роберт хихикая. – Мама, можно я пушу его полетать? Я хочу увидеть, как он летает.

– Позже, мой милый, – пообещала ему Лиза.

– Сперва суд, – произнес сир Лин Корбрей, растягивая слова, – а казнь потом.

Мгновение спустя оба противника появились с противоположных сторон сада. Рыцаря сопровождали два молодых оруженосца, наемника – мастер над оружием Орлиного Гнезда.

Сир Вардис Иген был закован в сталь от головы до пят: тяжелые латы поверх кольчуги и подбитого сюрко. Большие круглые рондели, покрытые кремовой и голубой эмалью, под цвет луне и соколу дома Арренов, защищали уязвимое соединение руки и плеча. Юбка из находящихся друг на друга металлических пластин прикрывала его тело ниже пояса: до середины бедра, сплошной горжет охватывал горло, из висков шлема вырастали соколиные крылья, а забрало изображало острый металлический клюв с узкой прорезью для глаз.

Бронн был настолько легко вооружен, что казался почти нагим рядом с рыцарем. Наемник ограничился черной промасленной кольчугой, надетой поверх проваренной кожи, кольчужным койфом и круглым стальным полушлемом с наносником. Высокие кожаные сапоги со стальными пластинами в известной мере защищали его ноги, диски черного железа были нашиты на пальцы перчаток. Тем не менее Кэтлин отметила, что наемник на половину ладони выше своего соперника и руки его длиннее... Кроме того, Бронн был на пятнадцать лет моложе сира Вардиса, насколько она могла судить.

Обратившись лицом друг к другу, они преклонили колена

в траве перед плачущей женщиной. Ланнистер стоял между ними. Септон достал из мягкой тряпочной сумки на поясе граненую хрустальную сферу. Он высоко поднял кристалл над головой, и свет преломился. Радуги заплясали на лице Беса. Высоким торжественным напевом септон попросил богов взглянуть вниз и засвидетельствовать истину в душе этого человека; даровать ему жизнь и свободу, если он невиновен, в ином случае – послать ему смерть. Его голос отражался от башенных стен.

Когда последний отголосок его слов угас, септон опустил свой кристалл и заторопился прочь. Тирион наклонился и прошептал что-то на ухо Бронну, прежде чем стражники увели его. Наемник, гоготнув, поднялся и смахнул травинку с колена.

Роберт Аррен, лорд Орлиного Гнезда и Защитник Долины, нетерпеливо закопошился на своем высоком престоле.
– Когда они начнут драться? – жалобно спросил он.

Сиру Вардису помог подняться один из его оруженосцев. Другой принес ему треугольный щит почти в четыре фута высотой – массивный дуб, усиленный железными заклепками. Щит надели на его левую руку. Когда оружейных дел мастер Лизы предложил Бронну подобный щит, наемник сплюнул и отмахнулся. Трехдневная черная щетина закрывала его челюсти и щеки, но не брился он отнюдь не потому, что ему нечем было это сделать: лезвие его меча грозно светилось, как и подобает часами точившейся стали, к краю ко-

торой даже прикоснуться опасно.

Сир Вардис протянул руку в латной рукавице, а оруженосец вложил в нее изящный обоюдоострый длинный меч. Клинок украшал тонкий серебряный узор, изображавший горное небо. Рукоять была украшена соколиной головой, поперечина изображала крылья.

– Этот меч выковали для Джона в Королевской Гавани, – горделиво сказала Лиза своим гостям, наблюдая за пробным замахом сира Вардиса. – Он всегда брал его, садясь на Железный трон вместо короля Роберта. Правда, очаровательная вещь? Я подумала, что нашему чемпиону подобает отомстить за Джона его собственным клинком.

Гравированное серебряное лезвие было, вне всяких сомнений, прекрасным, но Кэтлин показалось, что сир Вардис наверняка чувствовал бы себя увереннее со своим собственным мечом. Но тем не менее ничего не сказала, устав от бесполезных споров с сестрой.

– Пусть они начнут биться! – крикнул лорд Роберт.

Сир Вардис обратился лицом к лорду Орлиного Гнезда, салютуя, приподнял свой меч:

– За Орлиное Гнездо и Долину!

Окруженный стражей Тирион Ланнистер сидел на балконе по другую сторону сада. Бронн повернулся к нему с небрежным салютом.

– Они ждут твоего приказа, – сказала леди Лиза своему лорду-сыну.

– *Бейтесь!* – завизжал мальчишка, дрожащими руками впиваясь в поручни кресла. Сир Вардис развернулся, поднимая тяжелый щит. Бронн повернулся к нему лицом. Мечи столкнулись раз и другой, пробуя оборону. Наемник отступил на шаг. Рыцарь последовал за ним, выставив перед собой щит. Он попытался ударить, но Бронн вовремя отскочил, и серебряный клинок рассек только воздух. Бронн вильнул вправо. Сир Вардис повернулся, отгораживаясь щитом, и шагнул вперед, осторожно ставя ноги на неровную землю. Наемник отступал, слабая улыбка играла на его губах. Сир Вардис атаковал рубящим ударом, но Бронн еще раз отступил, легко вскочив на невысокий, поросший мхом камень. Теперь наемник забирал налево, подальше от щита, к незащищенному боку рыцаря. Сир Вардис попытался подрубить его ноги, но не сумел дотянуться. Бронн отскочил еще левее. Сир Вардис повернулся на месте.

– Этот лишен доблести, – объявил лорд Хантер. – Остановись и прими бой, трус! – К нему присоединились сочувствующие голоса.

Кэтлин поглядела на сира Родрика. Ее мастер над оружием коротко кивнул:

– Наемник добивается, чтобы сир Вардис преследовал его. Вес доспехов и щита утомит даже самого сильного мужчину.

Она едва не каждый день видела, как упражняются мужчины в фехтовании, в свое время посетила с полсотни турниров, но здесь все выглядело как-то иначе и жутче: в этой пляске один ошибочный шаг сулил смерть. И вдруг вспомнила другой поединок – столь же ясно, как если бы он состоялся вчера.

Они встретились в нижнем дворе Риверрана. Увидев, что на Петире только шлем, нагрудник и кольчуга, Брандон тут же расстался с большей частью своего вооружения. Петир попросил у нее какой-нибудь знак симпатии, чтобы повязать его, но она отказала: лорд-отец обещал ее руку Брандону Старку, ему она и подарила свой бледно-голубой шарф, на котором вышила прыгающую форель Риверрана. Передавая жениху кусочек ткани, она попросила его:

– Петир – просто глупый мальчишка, но я люблю его как брата. Мне будет горько, если он умрет.

Жених посмотрел на нее холодными серыми старковскими глазами и обещал пощадить мальчишку, который любил ее.

Та схватка окончилась, не успев начаться. Брандон был уже взрослым мужчиной, и он погнал Мизинца по двору, а потом по причальной лестнице, осыпая его дождем ударов на каждом шагу; наконец, покрытый кровью от дюжины неглубоких порезов, мальчишка начал шататься.

– Сдавайся, – то и дело требовал Брандон, но Петир только угрюмо тряс головой и продолжал наскоки.

Когда река уже плескалась у щиколоток, Брандон сумел закончить схватку жестоким обратным ударом, прорезавшим кольчугу, кожу и мягкий бок Петира ниже ребер; Кэтлин даже не усомнилась в том, что рана была смертельной. Падая, Петир поглядел на нее, пробормотал «Кэт», и алая кровь хлынула между его облаченными в перчатку пальцами. Ей казалось, что она забыла об этом.

Тогда она в последний раз видела его... до того дня, когда ее доставили к нему в Королевской Гавани.

Прошло две недели, прежде чем Мизинец набрался сил, чтобы оставить Риверран, но лорд-отец запрещал Кэтлин посещать его в башне, где он был прикован к постели. Лиза помогала мэйстеру ухаживать за Петиром; она была в те дни застенчивей и мягче. Заглядывал к нему и Эдмур, но Петир не захотел видеть его. Брат ее принимал участие в поединке в качестве оруженосца Брандона, и Мизинец этого ему не простил. Когда он достаточно окреп, лорд Талли немедленно отослал своего воспитанника на Персты в закрытых носилках, чтобы тот закончил свое лечение на родной, продуваемой всеми ветрами скале.

Звон стали вернул Кэтлин к настоящему. Сир Вардис наступал на Бронна, подавляя его весом, щитом и мечом. Наемник отступал назад, отбивая каждый удар; легко переступая через камни и корни, он не отводил глаз от соперника.

Он был быстрее, как уже заметила Кэтлин. Серебряный меч рыцаря ни разу не прикоснулся к Бронну, успевшему уже сделать щербин своим уродливым серым клинком на оплечье сира Вардиса.

Короткий поток ударов иссяк так же неожиданно, как и начался: Бронн скользнул в сторону и остановился за статуей плачущей женщины. Сир Вардис ударил в ту сторону, где остановился наемник, и выбил искру из беломраморного бедра Алисы.

– Они плохо сражаются, мама, – пожаловался лорд Орлиного Гнезда. – Я хочу, чтобы они дрались по-настоящему.

– Подожди, мое милое дитя, – утешила его мать. – Наемник не может бегать целый день.

Некоторые из лордов, находившихся на террасе, уже обменивались сухими шутками и наполняли свои чаши, но разноцветные глаза Тириона Ланнистера следили за боевой пляской с противоположной стороны сада, как за самым важным событием на земле.

Бронн стремительно выскочил из-за статуи и, не останавливая движения, с обеих рук рубанул рыцаря в не прикрытый щитом правый бок. Сир Вардис неуклюже блокировал, но наемник направил меч вверх, ему в голову. Сир Вардис изготовился, отступив на полшага, и поднял щит. Полетели дубовые щепки: меч Бронна врубился в деревянную стену. Наемник снова шагнул налево, подальше от щита, и угодил сире Вардису поперек живота; острый как бритва кли-

нок оставил на броне яркий след.

Сир Вардис шагнул вперед, вложив весь свой вес в серебряный клинок. Бронн отбил удар в сторону и пляшущим движением уклонился. Рыцарь ударился об изваяние плачущей женщины, пошатнувшееся на своем постаменте. Пошатываясь, он отступил и принялся вертеть головой, разыскивая противника. Узкая прорезь в шлеме сужала поле зрения.

– Позади вас, сир! – вскричал лорд Хантер, но слишком поздно. Бронн обеими руками обрушил свой меч на локоть правой руки сира Вардиса. Тонкие подвижные пластины, защищавшие сустав, треснули. Рыцарь охнул, поворачиваясь и поднимая оружие. На этот раз Бронн остался на месте. Мечи бросались друг на друга, песня стали наполняла сад и отражалась от белых башен Орлиного Гнезда.

– Сир Вардис ранен, – сказал сир Родрик серьезным голосом.

Кэтлин не нуждалась в подобных пояснениях. Глаза верно служили ей, она видела яркую струйку крови, спускавшуюся по руке рыцаря, видела влагу в сгибе локтя. Каждый новый удар был чуть медленнее и чуть слабее, чем предыдущий. Сир Вардис повернулся боком к врагу, пытаясь закрыться щитом, но Бронн скользнул вокруг него, быстрый как кошка. Наемник, казалось, обрел новую силу. Теперь от его ударов оставались отметины. Свежие зарубки блестели на броне сира Вардиса на правом бедре, на клювастом шлеме, пересекались на нагрудной пластине, особо длинная осталась

на горжете. Рондель с луной и соколом на правой руке сира Вардиса разлетелся на две половинки и повис на завязках. Все слышали его трудное дыхание, воздух со свистом вырывался через забрало.

Даже ослепленные надменностью рыцари и лорды Долины понимали, что происходит внизу, но только не ее сестра.

– Довольно, сир Вардис! – свысока воскликнула Лиза. – Кончайте с ним, мой ребенок устал!

Надо сказать, что сир Вардис Иген был верен своей госпоже до последнего мгновения. Только что он отступал назад, прячась за изрубленным щитом, но вдруг пошел в атаку. Внезапный удар всем телом заставил Бронна потерять равновесие. Сир Вардис столкнулся с ним и ударил краем щита в лицо наемника. Бронн едва-едва не упал... он отшатнулся назад, споткнулся о камень и ухватился за плачущую женщину, чтобы удержаться на ногах. Отбросив щит, сир Вардис бросился вперед, обеими руками занеся меч. Правая рука его от локтя до пальцев была покрыта кровью, и отчаянный удар раскроил бы Бронна от шеи до пупа... если бы только наемник оставался на месте.

Но Бронн вновь отступил. И прекрасный гравированный серебряный меч Джона Аррена, отскочив от мраморного локтя плачущей женщины, отломился на треть длины от вершины клинка. Бронн оперся плечом о спину статуи. Изношенное ветром и непогодой изваяние Алисы Аррен пошатнулось и упало с великим грохотом, придавив собой сира

Вардиса Игена.

Бронн мгновенно оказался возле него, отбросив в сторону остатки ронделя, чтобы открыть слабое место между рукой и нагрудной пластиной. Сир Вардис лежал на боку, придавленный разбитым торсом статуи. Кэтлин услышала стон рыцаря, когда наемник обеими руками поднял клинок и вогнал его, надавив всем своим весом, между ребрами. Сир Вардис Иген содрогнулся и затих.

Молчание легло на Орлиное Гнездо. Бронн стянул свой полушлем и бросил его на траву. Приняв удар щита губа была разбита и окровавлена, черные как уголь волосы намокли от пота. Наемник выплюнул выбитый зуб.

– Все кончилось, мама? – проговорил лорд Орлиного Гнезда.

«Нет, – хотела сказать Кэтлин, – *все только начинается*».

– Да, – мрачно ответила Лиза голосом столь же холодным и мертвым, как капитан ее гвардии.

– Можно я теперь пуцу коротышку полетать?

На противоположной стороне сада Тирион Ланнистер поднялся на ноги.

– Только не *этого* коротышку, – произнес он. – Этот коротышка намеревается спуститься вниз на подъемнике для репы. Спасибо вам большое.

– Ты полагаешь... – начала Лиза.

– Я полагаю, что дом Арренов помнит свой девиз, – продолжал Бес. – «*Высокий как честь*».

– Ты обещала, что я пушу его полетать, – завопил на мать лорд Орлиного Гнезда, начиная трястись.

Лицо леди Лизы покраснелось от ярости.

– Боги сочли угодным объявить его невиновным, дитя. У нас не остается другого выхода, как освободить карлика. – Она возвысила голос. – Стража! Возьмите милорда Ланнистера и его... *существо* и уведите с глаз моих прочь. Проводите их к Кровавым Воротам и отпустите. Проверьте, чтобы они получили коней и припасы – так, чтобы хватило до Трезубца, и убедитесь, что им вернули всё их добро и оружие. На высокогорной дороге оно им понадобится.

– На высокогорной дороге, – повторил Тирион Ланнистер.

Лиза позволила себе легкую довольную улыбку. Своего рода смертный приговор, поняла Кэтлин. Тирион Ланнистер должен понимать это. Тем не менее карлик почтил леди Аррен насмешливым поклоном.

– Как вам угодно, миледи, – проговорил он. – Дорога как будто знакомая.

Джон

– Вы столь же безнадежны, как и все мальчишки, с которыми мне приходилось иметь дело, – объявил сир Аллисер Торн, собрав их во дворе. – Ваши руки годятся только для навозных лопат, а не для мечей, и если бы это зависело только от меня, все вы пасли бы свиней. Но прошлой ночью мне передали, что Гуэрен ведет по Королевскому тракту пятерых новых ребят. Быть может, за одного или двоих можно будет дать горшок мочи. Чтобы освободить для них место, я решил передать восьмерых из вас на усмотрение лорда-командующего.

Он назвал прозвища одно за другим:

– Жаба, Камнеголовый, Зубр, Любовник, Прыщ, Мартышка, сир Лунатик. – Напоследок он поглядел на Джона и объявил: – И Бастард.

Пип с восторженным возгласом подбросил меч в воздух. Сир Аллисер припечатал его к месту взглядом рептилии.

– Теперь вас будут называть мужами Ночного Дозора, но вы будете еще большими дураками, чем Цирковая Мартышка, если поверите в это. Вы так и остались мальчишками, зелеными, пахнущими летом, и когда придет зима, будетедохнуть как мухи! – С этим сир Аллисер Торн и оставил их.

Остальные собрались вокруг названных восьмерых

со смехом, ругательствами и поздравлениями. Халдер хлопнул Жабу по мягкому месту плоской частью меча и воскликнул:

– Жаба из Ночного Дозора!

Крикнув, что черному брату положен конь, Пип вспрыгнул на плечи Гренна; они повалились на землю и принялись бороться. Дареон бросился внутрь арсенала и вернулся с бурдюком кислого красного. Ухмыляясь как дураки, они передавали вино из рук в руки, и тут Джон заметил Сэмвелла Тарли, стоявшего в одиночестве под голым мертвым деревом в уголке двора. Джон предложил ему бурдюк.

– Глотни вина?

Сэм тряхнул головой:

– Нет, спасибо тебе, Джон.

– С тобой все в порядке?

– Очень даже, – солгал толстый парень. – Я так рад за вас всех. – Круглое лицо задрожало, и он выдавил улыбку. – Когда-нибудь ты станешь первым разведчиком, каким был твой дядя.

– Как мой дядя, – поправил Джон. Он не допускал мысли, что Бенджен Старк мертв. Прежде чем он успел сказать что-то еще, Халдер воскликнул:

– Эй, неужели ты собираешься выпить все в одиночку? – Пип выхватил вино и со смехом ускакал в сторону. Гренн схватил его за руку, Пип чуть нажал бурдюк, и тонкая красная струйка брызнула в лицо Джона. Халдер запротестовал

против подобной траты доброго напитка. Джон выругался и попытался уклониться. Тем временем Маттар и Джерен взобрались на стену и принялись забрасывать всех снежками.

К тому времени, когда он вырвался на свободу со снегом в волосах и пятнами вина на сюрко, Сэмвелл Тарли уже исчез.

В тот вечер ради праздника Трехпалый Хобб приготовил ребятам особый ужин. Когда Джон появился в общем зале, сам лорд-стюард провел его к скамье возле очага. Старшие хлопали его по руке. Восьмерка будущих братьев пиновала сегодня над седлом ягненка, запеченного с чесноком и травами, посыпанного мятой, в гарнире из толченой желтой репы с маслом.

– С собственного стола лорда-командующего, – объяснил Боуэн Марш.

Еще был салат из шпината, цыплячьего гороха и зеленой репки и чаша замороженной черники со сладкими сливками.

– Как вы думаете, оставят нас вместе? – принялся гадать Пип, когда они блаженствовали от сытости.

Жаба скривился:

– Надеюсь, что нет. Меня уже тошнит от вида твоих ушей.

– Ого, – проговорил Пип. – Послушайте, ворона обзывает ворона черным! Ты, конечно же, будешь разведчиком, Жаба. Тебя выставят из замка подальше – как только возможно, – и когда явится Манс Райдер, тебе останется просто поднять

забрало; увидев твою рожу, одичалые в страхе убегут.

Расхохотались все, кроме Гренна:

– Надеюсь, я – разведчик.

– И ты, и все остальные, – сказал Маттар. Всякий, кто носил черное, поднимался на Стену; всякий обязан был взять сталь, обороняя ее, однако разведчики были истинным сердцем Ночного Дозора. Это они берут на себя смелость выезжать за Стену, прочесывать Проклятый лес и ледяные горные высоты к западу от Сумеречной башни, выискивая одичалых, великанов и чудовищных снежных медведей.

– Не все, – сказал Халдер. – Я хочу в строители. Какой прок от разведчиков, если Стена обрушится?

Орден строителей поставлял каменщиков и плотников, занимавшихся починкой крепостей и башен, горняков, копавших тоннели и бивших камень для дорог и троп, лесничих, срубавших новую поросль там, где лес слишком близко подступал к Стене. Прежде они, как говорили, вырубали огромные ледяные блоки из замерзших озер в недрах Проклятого леса и волокли их на санках на юг к Стене, чтобы сделать ее выше. Но те дни закончились не один век назад; теперь черные братья могли только проехать по Стене от Восточного Дозора до Сумеречной башни, выискивая трещины и проталины и при необходимости ремонтируя их.

– Старый Медведь не дурак, – рассудил Дареон. – Ты, конечно, будешь строителем, а Джон разведчиком. Он среди нас лучший фехтовальщик и наездник, а дядя его был пер-

вым разведчиком, прежде чем... – Голос его неловко умолк, когда он понял, что собирался сказать.

– Бенджен Старк по-прежнему остается первым разведчиком, – ответил ему Джон Сноу, вертя в руках чашу черники. Все прочие пусть отказываются от надежд на возвращение его дяди, но он подождет. Джон отодвинул ягоды, почти не прикоснувшись к ним, и поднялся со скамьи.

– Ты что, не хочешь их есть? – спросил Жаба.

– Они твои. – Джон едва попробовал парадные блюда Хобба. – Ничего в глотку не лезет! – Взяв плащ с крюка возле стены, он направился наружу.

Пип увязался за ним.

– Джон, что случилось?

– Сэм, – признался тот. – Его не было сегодня за столом.

– Да, он не из тех, кто пропускает еду, – сказал Пип задумчиво. – Ты думаешь, он заболел?

– Он испугался, ведь мы оставляем его. – Джон вспомнил день, когда оставил Винтерфелл, горькую сладость прощания, изувеченного Брана в постели, Робба с припорошенными снегом волосами, Арию, получившую в подарок Иглу и осыпавшую его поцелуями. – Когда мы произнесем слова, у каждого из нас появятся обязанности. Кого-то из нас могут отослать в Восточный Дозор, кого-то в Сумеречную башню. Сэм останется учиться в обществе Раста, Куджера и новых ребят, которые едут по Королевскому тракту. Одни лишь боги знают, что они собой представляют, но можно не сомне-

ваться: сир Аллисер выставит их против Сэма при первой же возможности.

Пип скривился.

– Ты сделал все, что мог.

– Все, что мог, но этого мало, – сказал Джон.

Глубокое беспокойство охватило его, когда он возвращался в башню Хардина за Призраком. Лютоволк направился вместе с ним в конюшню. Когда они вошли, кони поугливее начали брыкаться в стойлах и закладывать уши. Джон заседлал свою кобылу, поднялся в седло и выехал из Черного замка на юг – в лунную ночь. Призрак неся впереди него, он словно летел над землей и исчез в мгновение ока. Джон отпустил его: волку нужно охотиться.

У него не было никаких особых намерений. Он просто хотел проехаться. Некоторое время Джон следовал вдоль ручья, прислушиваясь к ледяному треньканью воды на камнях, потом взял через поля к Королевскому тракту. Дорога простиралась перед ним – узкая, каменистая, заросшая высокой травой – и ничего, собственно, не сулила, однако вид ее наполнил душу Джона Сноу странным волнением. На другом конце дороги лежал Винтерфелл, а за ним Риверран, Королевская Гавань, Орлиное Гнездо и другие края: Утес Кастерли, остров Ликов, красные Дорнийские горы, сотня островов Браавоса посреди моря и дымящиеся руины древней Валирии. И ничего этого Джон никогда не увидит. Мир остался на одном конце ночной дороги, а он стоял в другом ее конце.

Как только он принесет присягу, Стена навсегда делается его домом – пока он не состарится, не делается таким, как мэйстер Эймон.

– Я еще не присягнул, – пробормотал Джон. Он не был разбойником, обреченным надеть черное или поплатиться за свои преступления. Он пришел сюда по собственному желанию и пока может по своему же желанию и уехать... Рокковые слова еще не произнесены. Достаточно было только поехать вперед, и он мог оставить Стену. Когда луна вновь станет полной, он уже окажется в Винтерфелле, около своих братьев.

«Около своих *сводных* братьев, – напомнил ему внутренний голос. – *И рядом с леди Старк, которая вовсе не будет рада тебе*». Для него нет места в Винтерфелле, как нет места и в Королевской Гавани. Даже собственная мать не нашла для него места в своей жизни. Мысль о ней повергла его в скорбь. Он размышлял, кем она была, как выглядела, почему отец оставил ее. *«Потому что она была шлюхой или прелюбодейкой, дурак. Существом темным и бесчестным, иначе почему лорд Эддард стыдился упоминать ее имя?»*

Джон Сноу отвернулся от Королевского тракта и поглядел назад. Огни Черного замка скрывал холм, но Стена оставалась на месте – бледная под луной, огромная и холодная, протянувшаяся от горизонта до горизонта.

Он развернул коня и направился домой.

Призрак вернулся, как только Джон поднялся на гребень

и заметил свет ламп в башне лорда-командующего. С влажной от крови мордой лютоволк пристроился возле его коня. Возвращаясь назад, Джон вновь подумал о Сэмвелле Тарли. И въезжая в конюшню, уже знал, что надо делать.

Комнаты мэстера Эймона располагались в крепком деревянном доме под птичником. Старый и дряхлый мэстер делил свои покои с двумя молодыми стюардами, которые заботились о нем и помогали ему при исполнении обязанностей. Братья пошучивали, что мэстеру подсунули двух самых больших уродов во всем Ночном Дозоре; будучи слепым, он был избавлен от необходимости на них смотреть. Лысый коротышка Клидас был начисто лишен подбородка, маленькие розовые глазки напоминали кротовьи. У Четта на шее была шишка величиной с голубиное яйцо, лицо побагровело от прыщей и нарывов. Наверное, поэтому он всегда казался сердитым.

На стук открыл Четт.

– Мне нужно переговорить с мэстером Эймоном, – заявил Джон.

– Мэстер уже в постели, и тебе тоже следует спать. Приходи завтра, быть может, он примет тебя. – Четт начал закрывать дверь.

Джон вставил в щель ногу.

– Мне нужно переговорить с ним немедленно. Утром будет слишком поздно.

Четт нахмурился:

– Мэйстер не привык, чтобы его будили посреди ночи. Ты знаешь, какой он старый?

– Он достаточно стар, чтобы обращаться с гостями более любезно, чем ты, – сказал Джон. – Передай ему мои извинения. Я не стал бы прерывать его отдых, если бы дело не было спешным.

– А если я откажусь?

Нога Джона надежно перекрывала дверь.

– Я буду стоять здесь всю ночь, если придется.

Черный брат с раздраженным бурчанием открыл дверь, выпуская его.

– Ступай в библиотеку, там есть дрова. Растопи очаг. Я не хочу, чтобы мэйстер простудился из-за тебя!

Когда Четт ввел мэйстера Эймона, Джон уже развел в очаге трескучий огонь. Старик был в ночной одежде, но горло его перехватывала цепь ордена. Мэйстер не снимал ее даже на ночь.

– Кресло возле огня – дело приятное, – сказал он, ощущая теплоту на лице. Когда мэйстер уселся поудобнее, Четт прикрыл ноги старика мехом и отошел к двери.

– Мне очень жаль, что пришлось разбудить вас, мэйстер, – сказал Джон Сноу.

– Ты не разбудил меня, – ответил мэйстер Эймон. – С возрастом я все меньше нуждаюсь во сне, а я уже очень стар. Нередко мои ночи заполняют собой призраки людей, ушедших пятьдесят лет назад, и я встречаю их, как будто мы

и не расставались. Таинственный полуночный гость для меня приятное развлечение. Итак, говори мне, Джон Сноу, почему ты пришел ко мне в столь неподходящий час?

– Попросить, чтобы Сэмвелла Тарли освободили от учебы и посвятили в братья Ночного Дозора.

– Это решает не мэйстер Эймон, – выскочил вперед Четт.

– Наш лорд-командующий предоставил право обучать рекрутов сирю Аллисеру Торну, – ответил негромко мэйстер. – Только он может сказать, когда парень будет готов к присяге, как ты, конечно, и сам знаешь. Почему же тогда ты обращаешься ко мне?

– Лорд-командующий прислушивается к вашим советам, – сказал ему Джон. – А раненые и больные Ночного Дозора находятся в вашем распоряжении.

– Разве Сэмвелл Тарли ранен или болен?

– Будет, – пообещал Джон, – если вы не поможете.

Он рассказал им все, даже то, как спустил Призрака на Раста. Мэйстер Эймон слушал безмолвно, слепые глаза были обращены к огню, но лицо Четта темнело с каждым словом.

– Мы теперь не сможем помогать ему, и у Сэма не будет даже шанса, – закончил Джон. – С мечом он безнадежен. Моя сестра Арья смогла бы разрубить его на части, а ей еще нет и десяти. Если сир Аллисер заставит его драться, Сэмвелл скоро превратится в калеку или погибнет.

Четт не мог более терпеть.

– Я видел этого жирного мальчишку в общем зале, – сказал он. – Он настоящая свинья и к тому же безнадежный трус, если все, что ты говоришь, правда.

– Быть может, ты и прав, – сказал мэйстер Эймон. – А скажи мне, Четт, как бы ты поступил с таким мальчишкой?

– Предоставил бы его самому себе, – ответил Четт. – Стена не место для слабых. Пусть учится, пока не будет готов, сколько бы лет на это ни потребовалось. Сир Аллисер или сделает из него мужчину, или убьет – если так захотят боги.

– Это глупо, – сказал Джон. Он глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. – Помню, как однажды я спрашивал у мэйстера Лювина, почему он носит цепь вокруг шеи...

Мэйстер Эймон легко прикоснулся к собственной цепи, костлявый морщинистый палец погладил тяжелые металлические кольца.

– Продолжай.

– Лювин сказал мне, что оплечье мэйстера делается в виде цепи, чтобы он не забывал о том, что дал присягу служить, – сказал Джон вспоминая. – Потом я спросил, почему все кольца делаются из разных металлов. Ведь серебряная цепь лучше смотрится с серым одеянием. Мэйстер Лювин расхохотался. Он объяснил мне, что мэйстер кует свою цепь по мере обучения. Различные металлы олицетворяют разные науки. Золото – знак знания денег и расчета, серебро – умения исцелять, железо – военного дела. Он сказал, что есть

и другие истолкования. Наплечье должно напоминать мэйстеру о стране, которой он служит, так ведь? Лорды – это золото, рыцари – сталь, но из двух звеньев цепь не скуешь, нужны серебро и железо, свинец и олово, медь и бронза и все остальные – то есть фермеры, кузнецы, торговцы и прочие люди. В цепи должны быть разные металлы, а в стране – разные люди.

Мэйстер Эймон улыбнулся:

– И что же?

– Ночному Дозору также нужны всякие люди. Зачем существуют разведчики, стюарды и строители? Лорд Рендилл не смог сделать из Сэма воина, и сир Аллисер тоже ничего не добьется. Из олова не выкуешь железный меч, сколько ни стучи молотом, но это не значит, что олово бесполезно. Почему бы Сэму не стать стюардом?

Четт не выдержал и опять влез в разговор:

– Я – стюард. Думаешь, это легкая работа, как раз для трусов? Орден стюардов поддерживает жизнь Дозора. Мы охотимся, возделываем землю, ухаживаем за конями, доим коров, возим и колем дрова, готовим еду. Как ты думаешь, кто делает одежду? Кто привозит припасы с юга? Стюарды!

Мэйстер Эймон ответил мягче:

– Твой друг охотник?

– Он ненавидит охоту, – пришлось признать Джону.

– Умеет ли он возделывать поле? – спросил мэйстер. –

Сможет ли он править фургонном или плыть под парусом?
Сумеет ли он забить корову?

– Нет.

Четт нахально захихикал:

– Видел я, что случается с изнеженными лорденышами, когда они берутся за дело! Поставь его сбивать масло, так кровавые мозоли набьет. Дай колун, чтобы колоть дрова, так ногу себе отрубит!

– Но я знаю, в чем Сэм превосходит всех остальных.

– И что же это? – спросил мэйстер Эймон.

Джон с опаской глянул на побагровевшего Четта, стоявшего возле двери с сердитым лицом.

– Он может помочь лично вам, – сказал он. – Он умеет считать, читать и писать. Я знаю, что Четт не умеет читать, а у Клидаса слабые глаза. Сэм прочел каждую книгу в библиотеке своего отца. Он ладит с вóронами, животные любят его. Призрак сразу привязался к нему. Он умеет многое, если не считать военного дела. Ночному Дозору нужен каждый человек. Зачем же бесцельно убивать его, когда лучше приставить к делу!

Мэйстер Эймон закрыл глаза. На короткое мгновение Джон было решил, что он уснул. Но наконец старик произнес:

– Мэйстер Лювин хорошо выучил тебя, Джон Сноу. Твой ум, похоже, столь же ловок, как твой клинок.

– Значит ли это...

– Это значит, что я обдумаю твои слова, – твердо сказал ему мэйстер. – А теперь, похоже, я сумею уснуть. Черт, проводи нашего юного брата до двери!

Тирион

Они укрылись в осиновой роще, неподалеку от высокогорной дороги. Тирион собирал хворост, пока кони пили из горного ручья. Он нагнулся, чтобы подобрать обломанную ветвь, и критически осмотрел ее.

– Эта подойдет? Я не умею разводить огонь. Костром всегда занимался Моррек.

– *Костром?* – спросил Бронн сплевывая. – Неужели ты настолько проголодался, чтобы хотеть себе смерти, карлик? Или здравый смысл распрощался с твоей головой? Костер немедленно привлечет сюда горцев со всей округи. А я, Ланнистер, намереваюсь пережить это путешествие.

– И как ты надеешься сделать это? – спросил Тирион. Он засунул сухую ветвь под мышку и пошел через редкий подлесок за другими. Натруженная в пути спина его ныла; выехали они с рассветом, когда сир Лин Корбрей с каменным лицом выставил их за Кровавые Ворота и велел никогда не возвращаться в Долину.

– У нас нет и шанса с боем пробиться назад, – сказал Бронн. – Но двое проедут дальше, чем десятеро, и привлекут к себе меньше внимания. Чем меньше дней мы проведем в этих горах, тем более вероятно, что мы сумеем добраться до Речных земель. Скакать придется быстро и усердно. Будем путешествовать ночью, прятаться днем, избегать доро-

ги, где только можно. Еще придется не шуметь и не зажигать костров.

Тирион Ланнистер вздохнул:

– Великолепный план, Бронн. Делай как хочешь... однако прости, если я не стану задерживаться, чтобы похоронить тебя.

– Ты решил пережить меня, карлик? – Наемник ухмыльнулся. Улыбка его зияла дырой там, где сир Вардис Иген краем щита выбил ему зуб.

Тирион пожал плечами:

– Если скакать усердно и быстро ночами, можно без особых хлопот свалиться с горы и разбить себе череп. Я лично предпочитаю передвигаться без спешки и ненужных усилий. Я знаю, как тебе нравится конина, Бронн, но если наши лошади падут на этот раз, седлать придется уже сумеречных котов. Потом, горцы все равно заметят нас – что бы мы ни делали. Их глаза и сейчас смотрят в нашу сторону. – Тирион указал рукой в перчатке в сторону окружающих их высоких, продуваемых ветром утесов.

Бронн скривился:

– Раз так, мы уже мертвецы, Ланнистер.

– И в таком случае я предпочитаю хотя бы умереть в уюте, – ответил Тирион. – Нам нужен костер. Ночи здесь холодны, и горячая пища согреет наши животы и поднимет дух. Как по-твоему, может здесь найтись какая-нибудь дичь? Леди Лиза по доброте своей в изобилии снабдила нас соле-

ной говядиной, твердым сыром и черствым хлебом, однако мне не хотелось бы сломать себе зуб в такой дали от ближайшего мэстера.

– Я найду мясо. – Темные глаза Бронна с подозрением глянули на Тириона из-под водопада черных волос. – Я могу бросить тебя здесь, у этого дурацкого костра. И забрать твоего коня, чтобы у меня был запасной. Что ты будешь делать тогда, карлик?

– Умру скорее всего. – Тирион нагнулся, чтобы подобрать еще одну палку.

– И ты не считаешь, что так я и поступлю?

– Ты бы сделал это прямо сейчас, если бы знал, что таким образом сохранишь себе жизнь. Вспомни, как ты потопился избавить от жизни своего друга Чиггена, когда тот получил стрелу в живот. – Запрокинув голову Чиггена назад, Бронн вогнал ему острие кинжала прямо под ухо, а потом объяснил Кэтлин Старк, что спутник его умер от раны.

– Он был уже все равно что мертв, – отвечал Бронн. – А стоны его могли бы навести на нас горцев. Чигген сделал бы то же самое со мной... И он не был мне другом, просто нам случилось ехать рядом в одну сторону. Не ошибись, карлик. Я бился за тебя, но не испытываю к тебе любви.

– Мне нужен был твой клинок, – ответил Тирион, бросая хвост на землю, – а не любовь.

Бронн ухмыльнулся:

– Признаю, ты отважен, как наш брат наемник. А как ты

узнал, что я стану на твою сторону?

– Узнал? – Тирион неловко опустил на коротких ногах, чтобы развести костер. – Я бросил кости. Там, в гостинице, вы с Чиггеном помогли захватить меня. Почему? Остальные считали, что обязаны совершить подобный поступок, этого требовала честь лордов, которым они служили, но что заставило вас присоединиться к ним? Ведь у вас не было лорда и обязанностей, вы не должны были угождать какой-то там чести. Зачем же связываться?

Достав нож, Тирион принялся состругивать тонкие полоски коры с одной из ветвей, чтобы использовать в качестве растопки.

– Зачем вообще наемники что-нибудь делают? Ради золота. Вы думали, что леди Кэтлин наградит вас за помощь, быть может, даже возьмет на службу. Этого хватит, надеюсь. У тебя есть кремьень?

Бронн запустил два пальца в кисет на поясе и достал кремьень. Тирион поймал его в воздухе.

– Благодарю, – сказал он. – Дело в том, что ты не был знаком со Старками. Лорд Эддард – человек гордый, достоинственный и честный, а его леди-жена еще хуже. О, вне сомнения, она в конце концов отыскала бы для тебя монету-другую и вложила бы ее тебе в руку – вместе с вежливым словом и неприязнью во взгляде, но это все, на что вы могли рассчитывать. Старки желают видеть отвагу, верность и честь в тех людях, которых берут на службу. Ну а вы с Чиггеном, откоро-

венно говоря, низменные подонки. — Тирион ударил кремнем о кинжал, пытаясь высечь огонь, но безуспешно.

Бронн фыркнул:

— У тебя смелый язык, человечек. Однажды кто-нибудь захочет отрезать его и затолкать тебе в глотку.

— Это мне все пророчат. — Тирион поглядел на наемника. — Разве я обидел тебя? Прошу прощения... Но ты же подонок, Бронн, ошибки быть не может. Долг, честь, дружба... Что говорят тебе эти слова? Только не затрудняй себя, мы оба знаем ответ. И тем не менее ты не глуп. Когда мы добрались до Долины, леди Старк более не нуждалась в тебе... в отличие от меня... А Ланнистеры никогда не испытывали недостатка в золоте. Когда настал момент бросать кости, я рассчитывал на то, что у тебя хватит ума, чтобы понять, где лежит твоя выгода. К моему счастью, ты это понял. — Он вновь ударил камнем о сталь и снова без результата.

— Дай-ка, — сказал Бронн, присаживаясь на корточки. — Я сделаю. — Он забрал кремень из рук Тириона и высек искру с первого удара. Кусок коры задымился.

— Отличная работа, — сказал Тирион. — Пусть ты и негодай, однако человек необычайно полезный, а с мечом в руке почти не уступаешь моему брату Джейме. Чего ты хочешь, Бронн? Золота? Земли? Женщин? Сохрани мою жизнь, и ты получишь все это.

Бронн осторожно раздувал огонек, язычки пламени сразу вспрыгнули повыше.

– А если ты погибнешь?

– Ну, тогда меня хотя бы один человек оплачет от всего сердца, – ухмыльнулся Тирион. – Золото-то кончится вместе со мной!

Костер запылал. Бронн поднялся, опуская кремень в кiset, и бросил Тириону кинжал.

– Честная сделка, – сказал он. – Мой меч принадлежит тебе... Только не рассчитывай, что я буду преклонять колени и называть тебя м'лордом всякий раз, когда ты присаживаешься посрать. Я не умею быть чьим-либо прихвостнем.

– И другом тоже, – отвечал Тирион. – Я ничуть не сомневаюсь, что ты предашь и меня, словно леди Старк, если усмотришь свою выгоду. Но если настанет день, когда ты почувствуешь желание продать меня, запомни, Бронн: я могу дать столько же, сколько тебе предложат, даже больше. Мне нравится жить. А теперь, как ты думаешь, нельзя ли нам сообразить насчет ужина?

– Позаботься о лошадях, – сказал Бронн, извлекая длинный кинжал, который носил на бедре. И направился в лес.

Через час кони были вычищены и накормлены, огонь весело потрескивал, и нога молодого козленка висела над костром, капая на уголья шипящим жиром.

– Нам не хватает теперь только хорошего вина, чтобы залить нашего козленка, – проговорил Тирион.

– А к вину бабы и дюжины спутников, – согласился Бронн. Он сидел, скрестив ноги, возле костра, шлифуя край свое-

го длинного меча точильным камнем. Шелестящий звук все-
лял в душу Тириона странную уверенность.

– Скоро совсем стемнеет, – сказал наемник. – Я подежурю первую стражу... не знаю только, к добру это или нет. Может, будет лучше, если нас прирежут во сне.

– Что ты! По-моему, они окажутся здесь задолго до того, как дойдет до сна. – Запах жареного мяса наполнил рот Тириона слюной.

Бронн посмотрел на него через костер.

– У тебя есть план, – сказал он ровным голосом, сквозь скрип камня по стали.

– Назовем его надеждой, – сказал Тирион. – И еще раз бросим кости.

– Поставив свои жизни в качестве заклада?

Тирион пожал плечами:

– А что еще у нас осталось?

Склонившись над очагом, он отрезал себе тоненький ломтик мяса.

– Ах, – вздохнул он, блаженно жуя. Жир побежал по его подбородку. – Мясо, пожалуй, жестковато, не помешали бы и какие-нибудь приправы, однако мне жаловаться не пристало: если бы мы остались в Орлином Гнезде, я бы плясал на краю обрыва, пытаясь выслужить вареный боб.

– И все же ты дал тюремщику кошелек с золотом, – проговорил Бронн.

– Ланнистеры всегда платят свои долги.

...Морд едва поверил своим глазам, когда Тирион бросил ему кожаную мошну. Глаза тюремщика округлились, как вареные яйца, когда, потянув за веревочку, он увидел внутри блеск золота.

– Серебро я оставил себе, – сказал Тирион с кривой улыбкой, – но тебе было обещано золото, вот оно.

Денег было много больше, чем человек, подобный Морду, мог бы заработать, тираня узников целую жизнь.

– Помни мои слова, я дал тебе только попробовать! Если тебе когда-нибудь надоест служить леди Аррен, приезжай в Утес Кастерли, и я выплачу тебе остаток долга.

Рассыпая золотые драконы, Морд упал на колени и пообещал, что поступит именно так.

Бронн извлек свой кинжал и снял мясо с очага. Он принялся срезать с кости толстые обугленные ломти, а тем временем Тирион смастерил из двух горбушек черствого хлеба нечто вроде тарелок.

– А что ты сделаешь, если мы доберемся до реки? – спросил наемник, не отрываясь от дела.

– О, начну со шлюхи, перины и бутылки вина. – Тирион протянул свою миску, и Бронн наполнил ее мясом. – А потом отправлюсь в Утес Кастерли или в Королевскую Гавань. У меня есть некоторые настоятельные вопросы в отношении некоего кинжала, на которые я бы хотел услышать ответ...

Наемник пожевал и глотнул.

– Значит, ты утверждаешь, что прав и нож не был твоим?

Тирион тонко улыбнулся.

– Разве я похож на лжеца?

К тому времени, когда животы их наполнились, на небе высыпали звезды и полумесяц уже поднялся над горами. Тирион расстелил на земле шкуру сумеречного кота и растянулся, подложив под голову седло.

– Наши друзья не спешат.

– На их месте я бы опасался засады, – сказал Бронн. – Зачем нам вести себя столь открыто, как не заманивать их в ловушку?

Тирион кивнул:

– Тогда можно и спеть, может, в ужасе разбегутся! – Он начал насвистывать.

– Ты обезумел, карлик, – сказал Бронн, вычищая жир кинжалом из-под ногтей.

– Где твоя любовь к музыке, Бронн?

– Если тебе нужна музыка, заставил бы певца защищать тебя.

Тирион ухмыльнулся:

– Вот бы был видок! Хорошо бы посмотреть, как он отмахивался своей арфой от сира Вардиса!

Тирион вновь засвистел.

– Знаешь эту песню?

– То и дело слышу в кабаках и борделях.

– Мирийская. «Времена моей любви». Сладкая и печальная, если понимаешь слова. Ее все пела девушка, с которой

я в первый раз в своей жизни лег в постель, и я так и не смог забыть мелодию. — Тирион поглядел на небо. В чистой ночной прохладе над горами горели звезды, ясные и не знающие жалости, словно сама правда.

— Я познакомился с ней похожей ночью, — неожиданно для себя начал рассказывать Тирион. — Мы с Джейме возвращались из Ланниспорта, когда услышали крик: она выбежала на дорогу, а двое мужчин преследовали ее по пятам и выкрикивали угрозы. Мой брат извлек меч и отправился следом за ними. А я остался защищать девицу. Она оказалась молоденькой, не больше чем на год старше меня, темноволосой, тонкой, с личиком, от которого растаяло бы и твое сердце, что уж говорить обо мне. Из простонародья, полуголотная, немытая... но очаровательная. Мужчины эти успели сорвать с нее почти все лохмотья, и пока Джейме гонял их по лесу, я накинул на нее плащ. Когда брат вернулся назад, я уже узнал ее имя и историю. Дочь мелкого землевладельца, она осиротела, когда отец умер от лихорадки по дороге в... да, в общем, в никуда.

Джейме лез из шкуры, чтобы догнать этих мужчин. Разбойники нечасто осмеливаются нападать на путников возле Утеса Кастерли, и он усмотрел в этом оскорбление. Девушка пережила слишком большой испуг и боялась идти одна, поэтому я предложил отвезти ее на ближайший постоялый двор, накормить и напоить. Брат тем временем отправился в Утес Кастерли за помощью.

Она оказалась настолько голодной, что я даже не поверил своим глазам. Мы съели двух цыплят, начали третьего и выпили за разговором целую бутылку вина. Мне было тогда только тринадцать, и, увы, вино ударило мне в голову. Дальше я помню только, как разделял с ней ложе. Не знаю, кто был застенчивей, я или она. Не знаю, где я отыскивал тогда отвагу. Когда я лишил ее девственности, она заплакала, а потом поцеловала меня и спела эту песенку. И к утру я уже влюбился.

– Ты? – В голосе Бронна звучало веселье.

– Невероятно, не правда ли? – Тирион снова начал насвистывать. – Более того, я женился на ней, – наконец признался он.

– Ланнистер с Утеса Кастерли взял в жены дочь мелкого землевладельца? – спросил Бронн. – И как тебе это удалось?

– О, ты даже не знаешь, что может соорудить мальчишка с помощью лжи, пятидесяти серебряных монет и пьяного септона. Я не смел привести свою невесту домой в Утес Кастерли и поэтому устроил ее в собственном домике, и две недели мы с ней играли в мужа и жену. Потом септон протрезвел и признался во всем моему лорду-отцу.

Тирион удивился той грусти, которую он все еще ощущал даже по прошествии стольких лет. Наверное, он очень устал.

– Тут и пришел конец моему браку. – Тирион сел и, моргая, уставился в огонь умирающего костра.

– Он прогнал девчонку?

– Отец поступил лучше, – отвечал Тирион. – Сперва он заставил моего брата сказать мне правду: видишь ли, девица была шлюхой. Джейме подстроил все приключение, дорогу, нападение разбойников и все прочее. Он решил, что мне пора познать женщину. Он заплатил двойную плату за ее девственность, зная, что она будет у меня первой.

– Потом, когда Джейме признался, лорд Тайвин, чтобы закрепить урок, приказал привести мою жену и отдал ее гвардейцам. Они расплатились с ней достаточно честно: по серебряку с человека, – много ли шлюх может потребовать такую плату? А меня заставил сесть в уголке казармы и смотреть; наконец она набрала столько серебряков, что монеты уже сыпались сквозь пальцы и катились по полу... – Дым ел глаза, и, откашлявшись, Тирион отвернулся от огня. – Лорд Тайвин заставил меня пойти последним, – сказал он спокойным голосом. – И дал мне золотую монету, потому что, как Ланнистер, я стоил большего.

Некоторое время спустя он вновь услышал привычный шелест стали о камень: Бронн снова взялся за меч.

– В тринадцать или в тридцать, даже в три года я бы убил того человека, который обошелся бы со мной подобным образом.

Тирион повернулся к нему лицом.

– Однажды тебе, быть может, представится такая возможность. Запомни, что я сказал тебе: Ланнистеры всегда платят долги! Я попытаюсь уснуть. Разбуди меня, если смерть при-

дет к нам. — Тирион зевнул.

Он завернулся в шкуру и закрыл глаза. Каменистая почва была неудобным и холодным ложем, однако спустя некоторое время Тирион Ланнистер уснул. Ему снилась небесная камера, только на этот раз тюремщиком был он сам, *большим*, с ремнем в руке, он бил отца, подталкивая его к пропасти...

— *Тирион*, — зов Бронна прозвучал негромко и настоятельно.

Тирион вскочил в мгновение ока. Костер уже прогорел до углей, и отовсюду на них напозлали тени. Бронн припал на колено с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Тирион поднял руку, как бы говоря: «*Не двигайся*».

— Подходите к очагу, ночь холодна, — громко произнес он, обращаясь к приближающимся теням. — Увы, у нас нет вина, чтобы предложить вам, но мы будем рады поделиться козлятиной.

Движения прекратились. Тирион заметил, как блеснул лунный свет на металле.

— Наши горы, — отозвался голос из деревьев, гулкий, жесткий и недружелюбный. — Наша коза.

— Ваша коза, — согласился Тирион. — Кто вы?

— Когда вы встретитесь со своими богами, — проговорил другой голос, — скажите им, что это Гунтер, сын Гурна, из рода Каменных Ворон отослал вас к ним. — Ветка треснула под ногами шагнувшего на свет мужчины в рогатом шлеме,

вооруженного длинным ножом.

– И Шагга, сын Дольфа, – послышался первый голос, глубокий и полный смертельной угрозы. Слева шевельнулся валун, встал и превратился в человека. Могучим, неторопливым и крепким казался он во всех своих шкурах, с дубиной в правой руке и топором в левой. Грохнув ими друг о друга, он шагнул вперед.

Остальные голоса выкрикивали свои имена: Конн, Торрек и Джаггот... Тирион забывал их, едва услышав; нападавших было по крайней мере десятеро. Некоторые держали мечи

и ножи, другие были вооружены вилами, косами, деревянными копьями. Дождавшись, когда все назовутся, Тирион дал ответ:

– А я Тирион, сын Тайвина, из клана Ланнистеров, Львов Утеса. Мы охотно заплатим вам за козла, которого съели.

– Что ты отдашь нам, Тирион, сын Тайвина? – спросил человек, назвавшийся Гунтером. Он казался их вожаком.

– В моем кошельке найдется серебро, – ответил Тирион. – Этот хауберк велик мне, но он будет впору Конну, и мой боевой топор более подходит для могучей длани Шагги, чем тот топор дровосека, который он сейчас держит.

– Полумуж хочет заплатить нам нашей собственной монетой, – сказал Конн.

– Конн говорит правду, – сказал Гунтер. – Твое серебро принадлежит нам, твои кони тоже. Твой хауберк, твой боевой топор и нож на твоём поясе тоже наши. У вас нет ничего, кроме жизней. Как ты хочешь умереть, Тирион, сын Тайвина?

– Лежа в постели, напившись вина, ощущая рот девушки на моем члене, и в возрасте восьмидесяти лет, – отвечал он.

Громадный Шагга расхохотался первым и громче всех. Остальным было не так весело.

– Конн, бери их коней, – приказал Гунтер. – Убей второго и заведи коротышку. Пусть доит коз и смешит матерей.

Бронн вскочил на ноги:

– Кто хочет умереть первым?

– Нет! – резко сказал Тирион. – Гунтер, сын Гурна, выслушай меня. Мой дом богат и могуществен. И если Каменные Воробны проводят нас через горы, мой лорд-отец осыплет вас золотом.

– Золото равнинного лорда ничего не стоит, как и обещания полумужа, – отвечал Гунтер.

– Быть может, я и не дорос до мужчины, – сказал Тирион, – однако у меня хватает отваги встречаться лицом к лицу с моими врагами. А что делают Каменные Воробны, когда рыцари выезжают из Долины? Прячутся за скалами и дрожат от страха!

Шагга гневно взревел и ударил дубиной о топор. Джаггот ткнул едва ли не в лицо Тириона обожженным в костре концом деревянного копья. Ланнистер постарался не вздрогнуть.

– Неужели вы не в состоянии украсть оружие получше? – спросил он. – Этим можно разве что забить овцу... и то если овца не будет сопротивляться. Кузнецы моего отца гадят лучшей сталью, чем ваша.

– Вот что, маленький человечиска, – взревел Шагга. – Можешь вволю смеяться над моим топором, когда я отрублю тебе мужские признаки и скормлю их козлу.

Но Гунтер поднял руку:

– А я выслушаю его слова. Матери голодают, а сталь может насытить больше ртов, чем золото. Что ты отдашь нам за ваши жизни, Тирион, сын Тайвина! Мечи? Пики? Кольчуги?

– Все это и даже больше, Гунтер, сын Гурна, – отвечал Тирион Ланнистер с улыбкой. – Я отдам вам Долину Аррен.

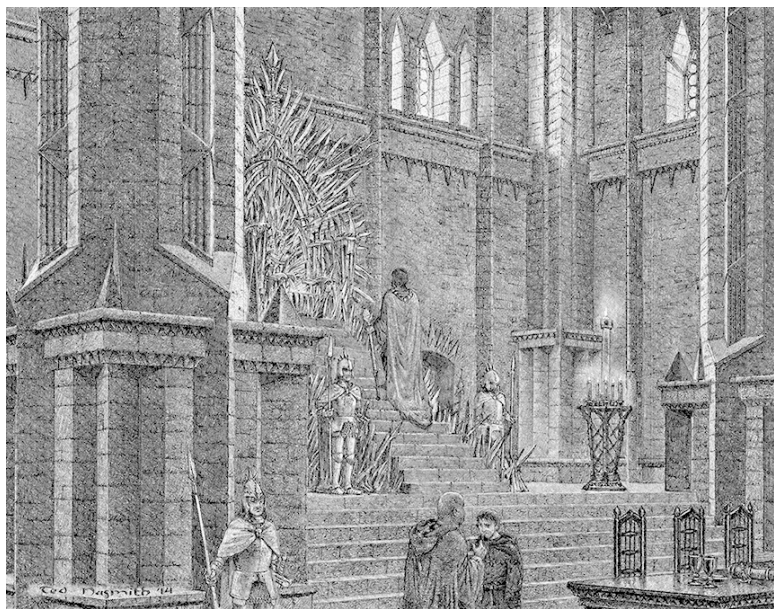
Эддард

Лучи рассвета лились сквозь узкие высокие окна колоссального тронного зала Красного замка, оставляя темно-красные полосы на стенах, там, где прежде висели головы драконов. Теперь камень прикрывали гобелены со сценами охоты, яркие в своей зелени, синеве и охре. Тем не менее Неду Старку казалось, что в зале властвует единственный цвет алой крови.

Он сидел на высоком и огромном древнем престоле Эйгона Завоевателя, чудовищном сооружении из лезвий и зазубренных ребер причудливо искореженного металла. Седалище – как предупреждал Роберт – адски неудобное, и тем более теперь, когда боль в его раздробленной ноге пульсировала все сильнее с каждой новой минутой. Металл под ним с каждым часом становился все тверже, а зубастая сталь за спиной мешала откинуться назад. *«Королю не должно быть легко на престоле»*, – утверждал Эйгон Завоеватель, повелев своим оружейникам выковать трон из мечей, сложенных его врагами. *«Боги, прокляните Эйгона за его надменность»*, – угрюмо думал Нед. – *А заодно и Роберта с его охотой»*.

– Вы совершенно уверены, что это не просто разбойники? – негромко спросил Варис из-за стола совета, поставленного у подножия трона. Великий мэйстер Пицель неловко

шевелинулся возле него, Мизинец тем временем играл с пером. Остальные советники отсутствовали. В королевском лесу заметили белого оленя, и лорд Ренли с сиром Барристаном присоединились к охоте вместе с принцем Джоффри, Сандором Клигейном, Бейлоном Сванном и половиной двора. Поэтому и пришлось ему, Неду, замещать короля на Железном троне.

Впрочем, он мог хотя бы сидеть. Присутствующие же, за исключением членов совета, обязаны были почтительно

стоять или преклонить колена. Просители, собравшиеся возле высоких дверей, рыцари, знатные лорды, дамы у гобеленов, мелкий люд в галерее, стражи в кольчугах, золотых или серых плащах – все стояли.

Деревенские были на коленях: мужчины, женщины и дети, окровавленные и потрепанные, на лицах написан страх. За ними стояли трое рыцарей, доставившие селян в качестве свидетелей.

– *Разбойники*, лорд Варис? – Голос сира Реймуна Дарри сочился презрением. – Конечно, это были разбойники, вне всяких сомнений – ланнистерские разбойники.

Нед ощущал напряженность в зале, знатные лорды и слуги замерли с равным вниманием. Чему удивляться? Запад готов взорваться как порох, после того как Кэтлин схватила Тириона Ланнистера. Риверран и Утес Кастерли созвали знамена, войска собрались в проходе под Золотым Зубом. Кровь потечет – дело только во времени. Обсуждать можно было одно: как лучше прижечь рану.

Печальный сир Карел Вэнс, которого можно было бы назвать красавцем, если бы не багровое, цвета вина, родимое пятно на его лице, указал на склонившихся селян.

– Это все, что осталось от крепости Шеррер, лорд Эддард. Остальные погибли вместе с жителями Вендского городка и Шутовского брода.

– Встаньте, – приказал Нед селянам. Он никогда не доверял словам, произнесенным с колен. – Все встаньте.

Обитатели крепости Шеррер по одному, по двое начали подниматься на ноги. Одной древней старухе пришлось помочь, а молодая девушка в окровавленной одежде все стояла на коленях, глядя невидящими глазами на сира Ариса Окхарта, застывшего у подножия трона в белой броне гвардейца, готового защитить и оборонить короля. Или, как полагал Нед, королевского десницу.

– Джосс, – сир Реймун Дарри обратился к пухлому лысеющему человеку в фартуке пивовара, – расскажите деснице, что произошло в Шеррере.

Джосс кивнул:

– Если это угодно его светлости...

– Его светлость охотится за Черноводной, – сказал Нед, удивляясь тому, что человек может провести всю свою жизнь в нескольких днях езды от Красного замка и не иметь представления о внешности короля. Нед был облачен в белый полотняный дублет с вышитым на груди лютоволком Старков. Черный шерстяной плащ скрепляла на горле серебряная застежка в форме руки. Черный, белый и серый – все краски истины. – Я лорд Эддард Старк, десница короля. Скажи мне, кто ты такой и что тебе известно об этих налетчиках.

– Я содержу... *содержал*... м'лорд, я содержал в Шеррере пивную возле Каменного моста. Лучшее пиво к югу от Перешейка, все говорили так, прошу прощения, м'лорд. Но теперь мое заведение погибло вместе со всем остальным, м'лорд. Они явились и сперва выпили все, что могли, а потом

вылили остальное и подожгли мою пивную. И пролили бы мою кровь, если бы сумели поймать меня, м'лорд.

– Нас сожгли, – проговорил фермер, стоявший возле пивовара. – Они приехали ночью с юга, запалили поля и дома, убили тех, кто попытался остановить их. Но это были не налетчики, м'лорд. Они не стали красть наше добро, мою молочную корову просто убили и оставили на съедение мухам и воробьям.

– А моего ученика зарубили, – продолжил приземистый мужчина с мышцами кузнеца и перевязанной головой. Он явился ко двору в самом лучшем кафтане, но бриджи его были залатаны, а дорога оставила на плаще пыль и пятна. – Гоняли его по полям, сидя на лошадях, и с хохотом тыкали в него копьями, словно в дичь. Мальчишка спотыкался и кричал, наконец рослый проткнул его пикой насквозь.

Девушка, оставшаяся на коленях, подняла голову к Неду, сидевшему над ней на высоком престоле:

– Они убили и мою мать, ваша светлость. Еще они... они... – Голос угас, словно бы она забыла приготовленные слова, девушка зарыдала.

Сир Реймун Дарри возобновил повествование:

– В Вендском городке жители укрылись в своей крепости, но стены ее были деревянными. Налетчики обложили соломой дерево и сожгли всех живьем. Когда люди открыли ворота, чтобы бежать от огня, их перестреляли из луков, всех – даже женщин с грудными младенцами.

– Как ужасно, – пробормотал Варис. – На какие жестоко-сти способны люди!

– То же самое сделали бы и с нами, но крепость Шеррера сложена из камня, – объяснил Джосс. – Они хотели нас вы-курить, но рослый сказал, что вверх по течению есть более сочный плод, и они отправились к Шутовскому броду.

Склоняясь вперед, Нед ощутил холодное прикосновение стали к своим пальцам. Между ними торчали клинки; кривые острия мечей словно когти выступали из подлокотников престола. Миновало уже три столетия, однако о некоторые еще можно было обрезать. Железный трон был полон ловушек для неосторожного. Песни утверждали, что на него пошла тысяча мечей, раскаленных добела яростным дыханием Балериона Черного Ужаса. Пятьдесят девять дней из острых лезвий, шипов и полос металла ковали седалище, способное убить человека и – если можно было верить легендам – пользовавшееся этой возможностью.

Эддард Старк не мог понять, что делает в этом зале, но все же сидел надо всеми, и люди ожидали от него справедливости.

– Какие есть доказательства тому, что все это совершили Ланнистеры? – спросил он, пытаясь удержать гнев под контролем. – Эти люди приехали в малиновых плащах или под львиным стягом?

– Даже Ланнистеры не способны на такую слепую ту-пость, – отрезал сир Марк Пайпер, пылкий молодой пету-

шок, слишком уж молодой и слишком горячий, на взгляд Неда, однако преданный друг брата Кэтлин Эдмура Талли.

– Все налетчики были на конях и в броне, милорд, – спокойно ответил сир Карел. – Со стальными пиками, длинными мечами и боевыми топорами для бойни. – Он показал в сторону одного из потрепанных беженцев. – Ты. Да, ты. Никто не намеревается бить тебя. Расскажи деснице, что ты говорил мне.

Старик качнул головой.

– Я об их лошадях, – начал он, – это были боевые кони. Я много лет работал на конюшне у старого сира Виллема и знаю разницу. Этих животных никогда не впрягали в соху, и пусть боги будут свидетелями моих слов.

– Итак, разбойники приехали на хороших конях, – заметил Мизинец. – Что, если они украли коней в каком-нибудь из разоренных селений?

– Сколько людей было в этом отряде? – спросил Нед.

– По крайней мере сотня, – ответил Джосс, одновременно с ним перевязанный кузнец произнес «пятьдесят», к ним присоединилась стоявшая позади бабушка:

– Сотни и сотни, м'лорд, целая армия.

– Ты более чем права, добрая женщина, – сказал ей лорд Эддард. – Значит, вы говорите, что они не подняли знамен. Ну а что вы скажете об их доспехах? Вы заметили какие-нибудь украшения, девизы на щитах или шлемах?

Пивовар Джосс покачал головой:

– Увы, м’лорд, но мы видели лишь простую броню, разве что... разве что предводитель их, он был одет, как все остальные, но... все дело в его росте, м’лорд. Люди, которые говорят, что великаны мертвы, никогда не видели этого человека. Клянусь, он ростом с быка, а от голоса камни лопаются!

– *Гора!* – громко проговорил сир Марк. – В этом не может быть сомнений. Это дело рук Грегора Клигейна.

Нед услышал бормотание под окнами и в дальнем конце зала. Даже на галерее послышались нервные шепотки. И знатному лорду, и простолюдину было точно известно, что означала бы правота сира Марка. Сир Грегор Клигейн являлся одним из знаменосцев лорда Тайвина Ланнистера.

Нед внимательно посмотрел на испуганные лица селян. Нечего удивляться, что они держались с такой опаской. Они ведь полагали, что их доставили сюда для того, чтобы назвать лорда Тайвина мясником и убийцей перед королем, его собственным зятем. Едва ли рыцари спрашивали их согласия. Великий мэйстер Пицель внушительно поднялся над столом совета, позвякивая цепью.

– Сир Марк, при всем уважении, вы не можете утверждать, что этот разбойник являлся именно сиром Грегором. Рослых людей в королевстве много.

– Это таких, как Скачущая Гора? – спросил сир Карел. – Я никогда не встречал подобных ему.

– Как и все здесь! – с жаром добавил сир Реймун. – Даже

собственный брат рядом с ним щенок. Милорды, откройте ваши глаза. Вам что, нужно увидеть его печать на трупах? Это Грегор.

– Зачем же сиру Грегору разбойничать? – спросил Пицель. – По милости своего сюзерена он держит крепкий замок, владеет собственными землями. Он прошел посвящение в рыцари.

– Он ложный рыцарь, – произнес сир Марк. – Бешеный пес лорда Тайвина!

– Милорд десница, – объявил Пицель жестким голосом, – я требую, чтобы вы напомнили этому доброму рыцарю, что лорд Тайвин Ланнистер является отцом нашей милостивой королевы.

– Благодарю вас, великий мэйстер Пицель, – произнес Нед. – Боюсь, что мы могли бы забыть об этом, если бы не ваше напоминание.

С высоты трона он видел людей, выскальзывающих из дверей в дальнем конце зала. Зайцы разбегаются по кустам, решил он... а может быть, и крысы спешат к сыру королевы. Заметив на галерее септу Мордейн и возле нее Сансу, он ощутил вспышку гнева: это не место для девушки. Но септа не могла заранее знать, что сегодняшней суд являет собой событие чрезвычайное, отличающееся от нудного потока прошений, споров между повздорившими соседями и разногласий относительно положения пограничных камней.

Внизу за столом совета Петир Бэйлиш потерял интерес

к своему перу и наклонился вперед:

– Сир Марк, сир Карел, сир Реймун... нельзя ли задать вам вопрос? Эти крепости находились под вашей защитой. Где были вы, когда началось смертоубийство и пожары?

Ответил сир Карел Вэнс:

– Я сопровождал моего лорда-отца в ущелье под Золотым Зубом вместе с сиром Марком. Когда известие о погроме достигло сира Эдмура Талли, он приказал нам взять небольшой отряд, найти уцелевших и доставить их к королю.

Заговорил сир Реймун Дарри:

– Сир Эдмур призвал меня в Риверран со всеми моими силами. Я стоял за рекой напротив стен его замка и дожидался приказа, когда получил вести. И когда я смог вернуться в свои собственные земли, Клигейн и его мерзавцы уже переправились за Красный Зубец и ушли в холмы Ланнистера.

Мизинец задумчиво погладил остроконечную бородку.

– Ну а если они вернутся снова, сир?

– Если они придут снова, мы зальем их кровью сожженные ими поля, – с жаром ответил сир Марк Пайпер.

– Сир Эдмур выслал людей в каждый поселок или крепость, что лежат в дне езды от рубежа, – объяснил сир Карел. – Следующему налетчику придется труднее.

«Возможно, именно этого и добивается лорд Тайвин, – подумал про себя Нед. – По капле выпускать силу из Риверрана, заставить парня расточить свои мечи». Брат его жены молод и скорее доблестен, чем мудр. Он попытается

удержать свою землю до последнего дюйма, защитить всякого – мужчину, женщину и ребенка, – кто зовет его лордом, а Тайвин Ланнистер достаточно проницателен, чтобы понимать это.

– Если ваши поля и крепости находятся в безопасности, – проговорил лорд Петир, – что же вы просите у трона?

– Лорды Трезубца поддерживают королевский мир, – произнес сир Реймун Дарри. – Ланнистеры нарушили его. Мы просим разрешения расплатиться с ними сталью за сталь. Мы требуем правосудия для простых людей Шерпера, Вендского городка и Шутовского брода.

– Эдмур согласен с тем, что мы должны отплатить Грегору Клигейну его кровавой монетой, – объявил сир Марк. – Но старый лорд Хостер приказал нам явиться сюда и потребовать королевского разрешения на ответный удар.

«В таком случае слава богам за совет старого лорда Хостера». Тайвин Ланнистер был настолько же лисом, насколько и львом. Если он действительно послал сира Грегора грабить и жечь, – а Нед в этом не сомневался, – то позаботился и о том, чтобы тот совершил свои злодеяния под покровом ночи и без знамен, как обычный разбойник. И если Риверран ответил бы ударом, Серсея и ее отец стали бы настаивать на том, что королевский мир нарушили Талли, а не Ланнистеры. Только боги знают, кому тогда поверил бы Роберт.

Великий мэйстер Пицель вновь поднялся на ноги.

– Милорд десница, если эти добрые люди полагают,

что сир Грегор нарушил свои священные обеты ради грабежа и насилия, пусть они тогда отправятся к его сюзерену и принесут свои жалобы. Преступления эти не касаются престола. Пусть они обратятся к правосудию лорда Тайвина.

– Королевского правосудия касается все, – ответил Нед. – На севере, юге, востоке и западе все, что мы делаем, совершается именем Роберта.

– *Королевское правосудие*, – добавил великий мэйстер Пичель. – Именно так, и поэтому мы должны оставить этот вопрос, пока король...

– Король охотится за рекой и, скорее всего, не вернется еще несколько дней, – проговорил лорд Эддард. – Роберт обязал меня занимать его место, слушать его ушами, отвечать его голосом. Так я и поступлю... Однако я согласен, королю следует сообщить об этом. – Нед заметил знакомое лицо возле гобеленов. – Сир Робар!

Сир Робар Ройс шагнул вперед и поклонился.

– Милорд!

– Ваш отец охотится с королем, – сказал Нед. – Можете ли вы доставить ему весть о том, что было сегодня сказано и сделано здесь?

– Немедленно, милорд.

– Значит ли это, что мы получили разрешение отомстить сиру Грегору? – спросил Марк Пайпер, обращаясь к трону.

– Отомстить? – переспросил Нед. – Мне казалось, мы говорили о правосудии. Если вы сожжете поля Клигейна

и убьете его людей, королевский мир не восстановится, вы только принесете исцеление своей раненой гордости.

Он отвернулся, прежде чем молодой рыцарь успел произвести гневный протест, и обратился к селянам:

– Люди Шеррера, я не могу вернуть вам дома и урожай, как не могу и вернуть жизнь вашим убитым. Но тем не менее именем короля Роберта я вправе явить вам толику правосудия.

Все глаза в тронном зале смотрели на него, ожидая. Отозвав себя от трона напряжением рук, Нед медленно поднялся на ноги, раздробленная кость в лубке стонала от боли. Он постарался преодолеть боль; не время обнаруживать слабость.

– Первые люди считали, что судья, назначивший смертный приговор, сам должен и исполнять его своим мечом; и на севере мы до сих пор придерживаемся этого правила. Не люблю заставлять других делать мое собственное дело... однако, похоже, у меня нет выхода. – Он указал на свою разбитую ногу.

– *Лорд Эддард!* – Голос донесся с западной стороны зала, вперед отважно шагнул совсем юный и стройный мальчишка. Без доспехов сир Лорас Тирелл казался даже моложе своих шестнадцати лет. Бледно-голубой шелк его одеяния перепоясывала цепь из золотых роз, знак его дома. – Окажите мне честь, разрешите заменить вас. Поручите мне это дело, милорд, и клянусь, я вас не подведу!

Мизинец усмехнулся:

– Сир Лорас, если мы пошлем лишь вас одного, сир Грегор пришлет назад только вашу голову, вставив сливу в ваш милый рот. Гора не из тех, кто склонит свою шею перед чьим-либо правосудием.

– Я не боюсь Грегора Клигейна, – надменно бросил сир Лорас.

Нед медленно опустился на жесткое железное сиденье уродливого трона Эйгона. Глаза его обежали лица расположившихся у стены.

– Лорд Берик, – позвал он. – Торос из Мира, сир Глэдден, лорд Лотар.

Поименованные мужи по одному шагнули вперед.

– Каждый из вас должен взять с собой по двадцать человек и принести известие от меня к крепости Грегора. Вместе с вами направятся двадцать моих собственных гвардейцев. Лорд Берик Дондаррион, вы будете командовать, как подобает вашему чину.

Молодой лорд с золотисто-рыжими волосами поклонился:

– Как прикажете, лорд Эддард.

Нед возвысил голос так, чтобы его услышали в дальнем конце тронного зала:

– Именем Роберта из дома Баратеона, первого носителя сего имени, короля андалов, ройнаров и первых людей, владыки Семи Королевств и Хранителя государства, по слову Эддарда из дома Старков, королевского десницы, приказываю

ваю вам ехать на запад со всей поспешностью, под знаменем короля пересечь Красный Зубец и явить королевское правосудие лживому рыцарю Грегору Клигейну и всем, кто соучаствовал в его преступлениях. Я обвиняю его и осуждаю; лишаю его всех чинов и титулов, всех земель, доходов и владений и приговариваю его к смерти. Пусть боги будут милосердны к душе его.

Когда голос десницы умолк, Рыцарь Цветов в смущении спросил:

– Лорд Эддард, а что делать мне?

Нед посмотрел на него. Сверху лорд Тирелл казался почти таким же юным, как Робб.

– Никто не сомневается в вашей доблести, сир Лорас, но мы совершаем правосудие, а вы ищете мести. – Он поглядел на лорда Берика. – Выезжайте на рассвете. Такие вещи следует делать быстро.

Нед поднял руку:

– Престол сегодня не желает выслушивать новые жалобы.

Алин и Портер поднялись по крутым железным ступеням, чтобы помочь ему. Спускаясь, Нед заметил угрюмый взгляд Лораса Тирелла, однако мальчишка ушел прежде, чем Нед ступил на пол тронного зала.

У подножия Железного трона Варис собирал бумаги со стола совета. Мизинец и великий мэйстер Пицель уже откланялись.

– А вы куда более отважный человек, чем я, милорд, –

проговорил евнух негромко.

– Как так, лорд Варис? – отрывисто спросил Нед. Нога пульсировала, и он не чувствовал охоты играть словами.

– На вашем месте я бы послал сира Лораса. Он так хотел это сделать... Кроме того, человек, враждующий с Ланнистерами, должен постараться сделать Тиреллов своими друзьями.

– Сир Лорас молод, – проговорил Нед. – Смею сказать, он переживет свое разочарование.

– Ну а сир Илин? – Евнух погладил пухлую припудренную щеку. – Он – именно он в конечном счете – выполняет королевское правосудие. Посылать других людей совершать его дело... Некоторые могут усмотреть в подобном поступке серьезное оскорбление.

– Я не намеревался обидеть его. – На деле Нед не доверял немому рыцарю, хотя, быть может, всего лишь потому, что не любил палачей. – Напомню вам, что Пейны – знаменосцы дома Ланнистеров. Я предпочел воспользоваться услугами людей, не присягавших лорду Тайвину.

– Очень предусмотрительно, вне сомнения, – проговорил Варис. – Тем не менее я случайно заметил в задней части зала сира Илина, и в его бледных глазах не было видно особой радости, хотя трудно сказать что-то определенное о нашем молчаливом рыцаре. Надеюсь, он тоже переживет свое разочарование. Ведь сир Илин так любит свою работу...

Санса

– Он не захотел послать сира Лораса, – в тот же вечер Санса рассказывала Джейн Пул за холодным ужином при свете лампы. – Наверное, это из-за его ноги.

Лорд Эддард ужинал у себя в опочивальне вместе с Алином, Харвином и Вейоном Пулом, чтобы не тревожить сломанную ногу, а септа Мордейн пожаловалась на то, что перетрудила ноги, простояв целый день в галерее. Предполагалось, что к ним присоединится Арья, но та запаздывала со своего урока танцев.

– Его нога? – неуверенно спросила Джейн, девушка хорошенькая и темноволосая, ровесница Сансы. – Неужели сир Лорас повредил ногу?

– Не *его* нога, – отвечала Санса, деликатно обгладывая цыплячью ножку. – А нога *отца*, глупая. Ему так больно, что он становится раздражительным. Иначе, я не сомневаюсь, отец послал бы сира Лораса.

Решение отца до сих пор смущало ее. Когда Рыцарь Цветов сказал свое слово, Санса уже решила, что на ее глазах воплотится в жизнь одна из сказок старой Нэн. Сир Грегор, конечно, чудовище, и сир Лорас, как положено истинному герою, должен убить его. Он даже *выглядел*, как истинный герой, стройный красавец с золотыми розами вокруг тонкой талии и густыми каштановыми волосами, спадающими

на глаза. И отец *отказал* ему! Санса расстроилась больше, чем предполагала. Она так и сказала септе Мордейн, когда они шли по лестнице с галереи, но септа ответила, что не дело дочери сомневаться в решениях лорда-отца.

И тут в разговор вступил лорд Бэйлиш:

– Ох, не знаю, септа. Некоторые из решений ее лорда-отца нуждаются в доле сомнения, а юная леди столь же мудра, сколь и очаровательна. – Он так низко поклонился Сансе, что она не совсем поняла, слышит ли комплимент или насмешку.

Септа Мордейн была очень огорчена тем, что лорд Бэйлиш подслушал их разговор.

– Это просто слова, милорд, – проговорила она. – Девичья болтовня. Она ничего не хотела этим сказать!

Лорд Бэйлиш погладил свою крохотную остроконечную бородку и спросил:

– Ничего? Скажи мне, дитя, а почему ты послала бы сира Лораса?

Тут Сансе просто пришлось рассказать ему и о героях, и о чудовищах. Советник короля улыбнулся.

– Ну что ж, я бы руководствовался другими причинами, однако... – Он прикоснулся к ее щеке, слегка проведя большим пальцем по линии скулы. – Жизнь это не песня, моя милая. Возможно, когда-нибудь, к своему огорчению, ты это узнаешь.

Сансе не хотелось рассказывать все это Джейн; ей было

не по себе даже от воспоминания об этом.

– Королевское правосудие исполняет сир Илин, а не сир Лорас, – сказала Джейн. – Лорду Эддарду следовало послать его.

Санса поежилась. Ей было не по себе всякий раз, когда она глядела на сира Илина Пейна. При виде его Сансе казалось, что какая-то мертвечина прикасается к ее голой коже.

– Сир Илин тоже похож на чудовище. Я рада, что отец не выбрал его.

– Лорд Берик такой же герой, как и сир Лорас, такой же отважный и доблестный.

– Наверное, – с сомнением произнесла Санса. Берик Дондаррион довольно красив, но ужасно *стар*: скоро ему двадцать два; Рыцарь Цветов гораздо лучше подходит на эту роль. Конечно, Джейн сразу влюбилась в лорда Берика, когда впервые увидела его на поле. Санса считала это глупостью. Ведь Джейн всего лишь дочь стюарда, и как бы она ни сходила с ума, лорд Берик никогда не обратит своего внимания на девушку, настолько уступающую ему в положении, даже не будь она в два раза младше его.

Однако жестоко так говорить, поэтому Санса прихлебнула молока и переменяла тему разговора.

– Мне приснилось, что именно Джоффри добудет белого оленя, – сказала она. Точнее говоря, это было ее желанием, но лучше было назвать его сном. Все знали, что сны бывают пророческими. Белых оленей считали существами редкими

и волшебными, и в сердце своем она решила, что ее галантный принц более достоин подобной добычи, чем его пьяница-отец.

– Тебе приснилось? В самом деле? Принц Джоффри просто подошел к оленю и прикоснулся к нему рукой, не причинив вреда?

– Нет, – отвечала Санса. – Он застрелил его золотой стрелой и привез мне. – В песнях рыцари никогда не убивали волшебных зверей – только подходили, гладили и не причиняли вреда, – но она знала, что Джоффри любит охотиться, в особенности убивать... лишь зверей, конечно. Санса не сомневалась, что ее принц не принимал участия в убийстве Джори и всех остальных бедняг, во всем виноват был его злобный дядя, Цареубийца. Она знала, что отец ее до сих пор из-за этого в гневе, однако нечестно обвинять Джоффа. Это все равно как обвинять ее в том, что натворила Арья.

– Сегодня вечером я видела твою сестру, – выпалила Джейн, словно прочитав мысли Сансы. – Она ходила на руках по конюшне. Зачем ей это понадобилось?

– Я уверена лишь в том, что вообще не понимаю, зачем Арья что-либо делает. – Санса ненавидела конюшню, всю эту вонь, докучливых мух и конский помет. Отправляясь на прогулку верхом, она всегда предпочитала, чтобы конюх подал ей заседланную лошадь во двор. – Ты хочешь еще услышать, что было при дворе?

– Конечно, – ответила Джейн.

– Туда приехал черный брат, – продолжила рассказ Санса, – он просил людей для Стены. Только он был старый и воюющий. – Это ей не понравилось вовсе. Сансе всегда представлялось, что Ночной Дозор состоит из мужей, подобных дяде Бенджену. Таких в песнях звали черными рыцарями Стены. Но этот человек был горбат и уродлив, и к тому же похоже было, что у него водились вши. Неужели Ночной Дозор на самом деле выглядит так? Она почувствовала жалость к своему сводному брату Джону. – Отец спросил, не найдется ли в зале рыцарей, которые готовы оказать честь своим домам, надев черное, однако никто не вызвался, поэтому он отдал этому Йорену тех, кого извлек из королевских темниц, и отослал его обратно. А потом к нему приехали эти два брата, вольные всадники из Дорнийских марок, и присягнули мечами на службу королю. Отец принял их клятву...

Джейн зевнула.

– А лимонные пирожные есть?

Санса не любила, когда ее прерывали, однако приходилось согласиться с тем, что лимонные пирожные представляли собой более интересную тему, чем происходившее в тронном зале.

– Посмотрим, – сказала она.

На кухне лимонных пирожных не обнаружилось, однако они нашли половинку холодного пирога с клубникой, что было ничуть не хуже. Девицы съели его на ступеньках башни, хихикая, сплетничая и делясь секретами; словом,

в ту ночь Санса отправилась в постель, ощущая себя такой же озорницей, как и Арья.

На следующее утро она проснулась еще до рассвета и сонная подобралась к окошку, чтобы поглядеть, как лорд Берик выстраивает своих людей. Они выехали с первыми лучами солнца, перед отрядом полоскались три стяга: коронованный олень короля летел за высоким древком, лютоволк Старков и двойная молния лорда Берика – за более короткими. Все было так красиво, как в ожившей песне: звякали мечи, мерцали факелы, на ветру плясали знамена, ржали и фыркали кони, золотые лучи пронзили насквозь решетку, когда она поползла вверх. Люди Винтерфелла казались особенными красавцами в своих серебристых доспехах и длинных серых плащах.

Алин держал в руке знамя Старков. Увидев, как он подъехал к лорду Берiku, чтобы обменяться с ним словами, Санса ощутила неподдельную гордость. Алин был красивее Джори; когда-нибудь и он станет рыцарем.

Башня Десницы, казалось, опустела после их отъезда, и, спустившись к завтраку, Санса обрадовалась даже обществу Арьи.

– А куда все подевались? – поинтересовалась сестра, обдирая шкурку с ярко-красного апельсина. – Отец отослал их ловить Джейме Ланнистера?

Санса вздохнула:

– Они уехали вместе с лордом Бериком, чтобы обезгла-

вить сира Грегора Клигейна. — Она повернулась к септе Мордейн, черпавшей деревянной ложкой овсянку. — Септа, а лорд Берик выставит голову сира Грегора наверху собственных ворот или привезет ее сюда, чтобы это сделал король? — Они с Джейн Пул поспорили об этом вчера вечером.

Септа была потрясена:

— Леди не подобает говорить о подобных вещах за овсянкой! Где твоё воспитание, Санса? Клянусь, последнее время ты ведешь себя ничем не лучше сестры.

— А что натворил Грегор? — спросила Арья.

— Он сжег крепость и убил кучу людей, женщин и детей тоже.

Арья скривилась:

— Джейме Ланнистер убил Джори, Хьюарда и Уила, а Пес зарубил Мику. Их тоже следовало бы обезглавить.

— Это совсем не одно и то же, — сказала Санса. — Пес при-
сегнул Джоффри, а твой мальчишка, да еще сын мясника, набросился на принца.

— Ты лжешь, — бросила Арья. Руки ее стиснули кровавый апельсин так, что красный сок закапал между пальцев.

— Ладно, давай, обзывайся как хочешь, — непринужденно сказала Санса. — Ты не осмелишься так поступать, когда я выйду замуж за Джоффри. Тебе придется кланяться мне и называть Ваша светлость!

Она взвизгнула, увидев, что Арья бросила апельсин; влажно хлопнув, он угодил Сансе прямо в лоб и шлепнулся

на юбку.

– Ваша светлость, вы испачкали личико соком, – заметила Арья.

Сок тек вдоль носа, ел глаза. Санса стерла его салфеткой. Но заметив ущерб, причиненный упавшим на подол плодом ее прекрасному шелковому платью цвета слоновой кости, она закричала снова.

– Ты ужасна, – завопила она Арье. – Лучше было бы, если бы убили *тебя*, а не Леди!

Септа Мордейн неловко вскочила на ноги.

– Об этом узнает ваш лорд-отец! Ступайте в свои покои, немедленно. *Немедленно!*

– Я тоже? – Слезы наполняли глаза Сансы. – Это нечестно!

– Никаких обсуждений. Ступайте!

Санса отправилась прочь, подняв голову. Она будет королевой, а королевы не плачут. По крайней мере когда это видят люди. Вернувшись к себе в опочивальню, она заложила дверь щеколдой и сняла платье. Кровавый апельсин оставил на шелке расплывчатое красное пятно.

– *Ненавижу ее!* – закричала Санса. Скомкав платье, она швырнула его в холодный очаг на пепел, оставшийся после вчерашнего вечера. Обнаружив, что пятно проступило и на нижней юбке, она не сдержалась и зарыдала. Сорвав всю остальную одежду, Санса бросилась в постель и плакала до тех пор, пока не заснула.

Септа Мордейн постучала в ее дверь уже около полудня.

– Санса! Лорд-отец хочет видеть тебя.

Девочка села и прошептала:

– Леди! – На мгновение ей показалось, что волчица вернулась и сидит у постели, глядит на нее золотыми скорбными и всезнающими глазами. Ей снился сон, поняла Санса. Леди вернулась к ней, они бегали вместе и... и... Пытаться вспомнить было все равно что ловить пальцами дождь. Сон померк, и Леди вновь оказалась мертва.

– Санса! – Стук прозвучал резче. – Ты слышишь меня?

– Да, септа. Не позволите ли вы мне сперва одеться? Я быстро. – Глаза ее покраснели от слез, однако Санса постаралась привести себя в порядок.

Лорд Эддард горбился над огромным, переплетенным в кожу томом, когда септа Мордейн ввела Сансу в горницу; его нога, укрытая лубком, скрывалась под столом.

– Подойди сюда, Санса, – сказал он не столь уж и строго, когда септа отправилась за сестрой. – Сядь возле меня. – Он закрыл книгу.

Септа Мордейн вернулась с Арьей, все еще пытавшейся вырваться из ее рук. Санса надела очаровательное бледно-зеленое платье из дамаста и изобразила раскаяние, но на сестре ее оставалась та же самая одежда, в которой она была за завтраком – из потрепанной кожи и грубой ткани.

– А вот и вторая, – объявила септа.

– Благодарю вас, септа Мордейн. Будьте любезны, я бы хотел переговорить с моими дочерьми с глазу на глаз. – От-

кланявшись, септа ушла.

– Всё начала Арья, – торопливо затараторила Санса, стремясь заполучить первое слово. – Она обозвала меня лгуньей и бросила в меня апельсин, испортила мое платье, шелковое, цвета слоновой кости, которое мне подарила королева Серсея, когда мы обручились с принцем Джоффри. Арью злит, что я выйду замуж за принца. Она пытается все испортить, отец, она ведь терпеть не может красоты, изящества и великолепия.

– *Довольно*, Санса! – В голосе лорда Эддарда слышалось резкое нетерпение.

Арья подняла глаза:

– Прости, отец. Я была не права и прошу прощения у моей милой сестры.

Санса настолько удивилась, что на мгновение лишилась дара речи. Наконец она обрела голос:

– А как насчет моего платья?

– Быть может, я сумею отстирать его, – предположила Арья с сомнением в голосе.

– Стирка не поможет, – ответила Санса, – даже если ты будешь тереть день и ночь. Шелк испорчен.

– Тогда я... сошью тебе новое, – сказала Арья.

Санса презрительно закинула голову:

– *Ты?* В сшитом тобой платье даже свинарник чистить нельзя.

Отец вздохнул:

– Я позвал вас сюда не для того, чтобы вы ссорились из-за одежды. Я отсылаю вас обеих домой в Винтерфелл.

Во второй раз Санса лишилась дара речи и ощутила, как глаза ее вновь наполнились влагой.

– Ты не можешь так поступить, – сказала Арья.

– Пожалуйста, отец, – наконец выдавила Санса. – Пожалуйста, не надо.

Лорд Старк почтил дочерей усталой улыбкой:

– Наконец-то вы сошлись хоть на чем-то.

– Я не сделала ничего плохого, – принялась умолять Санса. – Я не хочу возвращаться.

Ей нравилось в Королевской Гавани пышное величие двора, лорды и леди в шелке, бархате и драгоценных камнях, огромный город, полный людей. Турнир оказался самым волшебным событием во всей ее жизни. А сколько она еще не видела: пиршества в честь урожая, балы-маскарады, представления кукольников. Она просто не могла представить себе, что лишится всего этого.

– Отошли Арию. Она начала ссору, отец. Клянусь тебе, я буду хорошей. Разрешите мне остаться, и я обещаю стать изящной, благородной и любезной, как королева.

Рот отца странно дернулся.

– Санса, я отсылаю вас не из-за ваших ссор, хотя боги ведают, как я устал от них. Я хочу, чтобы вы вернулись в Винтерфелл ради вашей же собственной безопасности. Трех моих людей зарезали как собак не далее чем в лиге от места,

где мы сейчас сидим, и что делает Роберт? Уезжает на охоту!

Арья, как всегда, по-дурацки закусил губу.

– А можно ли взять с нами Сирио?

– Кому нужен твой дурацкий учитель танцев? – вспыхнула Санса. – Отец, я только сейчас вспомнила, я ведь не могу уехать, потому что должна выйти замуж за принца Джофффри. – Собравшись с духом, она улыбнулась. – Я люблю его, отец, я на самом деле люблю его – как королева Нэйрис любила принца Эймона, Рыцаря-Дракона, как Джонквиль любила сира Флориана. Я хочу стать его королевой и рожать ему детей...

– Милая моя, – проговорил отец мягко. – Послушай меня. Когда ты подрастешь, я подыщу тебе суженого среди знатных лордов, человека, достойного тебя, отважного, благородного и сильного. А твое обручение с Джофффри было ужасной ошибкой. Этот мальчишка – не принц Эймон, поверь мне.

– Это не так, – принялась настаивать Санса. – Я не хочу никаких отважных и благородных, я хочу только *его*! Мы будем такими счастливыми, как поют в песнях, ты увидишь. У меня родится сын с золотыми волосами, и однажды он станет королем всей страны, самым величайшим, отважным как волк, гордым как лев.

Арья скривилась:

– Только если его отцом не будет Джофффри, он – трусливый лжец, и к тому же он олень, а не лев.

Санса ощутила, как слезы подступили к ее глазам.

– Это не так! Он совершенно не похож на старого пьяницу короля, – закричала она на сестру, забывшись в своей горе. Отец бросил на нее странный взгляд.

– *Боги*, – воскликнул он негромко, – устами младенца... – и позвал септу Мордейн, а девочкам сказал: – Я найму быструю торговую галею, которая доставит вас домой. В эти дни море безопаснее Королевского тракта. Вы отправитесь домой, как только я отыщу нужный корабль, вместе с септой Мордейн и подобающей вам охраной... и – ладно – вместе с Сирио Форелем, если он согласится поступить ко мне на службу. Но никому не говорите об этом! Лучше, чтобы никто не знал о наших планах. Мы поговорим обо всем завтра.

Санса рыдала, спускаясь следом за септой Мордейн по ступенькам. Всего ее лишили: и турниров, и двора, и принца. Ее вернут назад, в серые стены Винтерфелла, и запрут там навеки. Жизнь ее закончилась, еще не начавшись.

– Прекрати плакать, дитя, – сурово сказала септа Мордейн. – Я не сомневаюсь, что твой лорд-отец прекрасно знает, что для тебя лучше.

– Все будет не так уж и плохо, – сказала Арья. – Мы поплывем на галее. Новое приключение, а потом мы вернемся к Брану и Роббу, старой Нэн, Ходору и всем остальным. – Она прикоснулась к руке сестры.

– *Ходор!* – завопила Санса. – Тебе надо выйти за Ходора,

ты такая же глупая, волосатая и уродливая! – Вырвав руку, она бросилась в свою опочивальню и закрыла за собой дверь.

Эддард

– Боль – это дар богов, лорд Эддард, – вещал великий мэйстер Пицель. – Она означает, что кость срастается, плоть сама исцеляет себя. Благодарите их.

– Я поблагодарю богов, когда нога моя перестанет болеть. Пицель поставил закупоренный флакон на столик у кровати.

– Вот маковое молоко, выпейте, если боль сделается слишком сильной.

– Я и без того сплю слишком много.

– Сон – великий целитель.

– А я надеялся, что *вы* – великий целитель.

Пицель печально улыбнулся:

– Приятно видеть вас в таком едком настроении, милорд. – Он пригнулся поближе и понизил голос: – Сегодня утром ворон принес письмо королеве от ее лорда-отца. Я подумал, что вам следует знать об этом.

– Черные крылья, черные вести, – мрачно отозвался Нед. – И что же пишет Ланнистер?

– Лорд Тайвин сильно разгневан из-за людей, которых вы послали за сиром Грегором Клигейном, – признался мэйстер. – Как я и опасался. Помните, я говорил это вам на совете.

– Пусть себе гневается, – сказал Нед. Каждый раз, когда

ногу его пронзала боль, он вспоминал улыбку Джейме Ланнистера и мертвого Джори на его руках. – Пусть сколько угодно пишет королеве. Лорд Берик едет под знаменем самого короля. Если лорд Тайвин попытается помешать свершению королевского правосудия, ему придется ответить Роберту. Его светлость любит охотиться, но еще больше он любит умирять непокорных лордов.

Пицель откинулся назад, звякнула его мэйстерская цепь. – Как вам угодно! Я зайду к вам утром. – Старик поспешно собрал свои вещи и откланялся. Нед ничуть не сомневался в том, что путь Пицеля лежит прямо в королевские апартаменты, чтобы передать их разговор королеве. *«Я подумал, что вам следует знать об этом»*, – словно бы это не Серсея велела мэйстеру передать угрозы ее отца. Нед надеялся, что его ответ заставит ее хоть немного дрогнуть. Лорд Старк не испытывал большой уверенности в Роберте, однако Серсее об этом знать незачем.

Когда Пицель отправился восвояси, Нед приказал подать чашу подслащенного медом вина. Ум его чуть затуманился – но только чуть. Нужно было как следует подумать. Тысячу раз он спрашивал себя о том, как поступил бы Джон Аррен, если бы ему суждено было перейти к действиям после того, что он узнал. Впрочем, быть может, именно действия и погубили его.

Странно получается: иногда невинные глаза ребенка способны заметить вещи, скрытые от взрослых людей. Потом,

когда Санса вырастет, надо будет рассказать ей, как она расставила все по местам. *«Он совершенно не похож на старого пьяницу короля»*, — объявила она в гнев неведения, и простая истина пронзила его смертным холодом. *«Этот меч и убил Джона Аррена, — подумал тогда Нед. — Убьет он и Роберта, смертью медленной, но несомненной»*. Раздробленная нога со временем исцелится, но предательство терзает и отравляет душу.

Через час после визита великого мэстера явился Мизинец, в сливового цвета дублете с пересмешником, черной нитью вышитым на груди, и в полосатом черно-белом плаще.

— Я не могу задерживаться у вас долго, милорд, — объявил он. — Леди Танда рассчитывает, что я отобедаю с ней. Вне сомнения, она зажарит мне упитанного тельца. Но если он окажется столь же упитанным, как ее дочка, я лопну и умру. Ну, как ваша нога?

— Горит, болит и чешется так, что я буквально схожу с ума. Мизинец поднял бровь.

— В будущем постарайтесь не попадать под упавшую лошадь. Только я посоветовал бы вам выздоравливать побыстрей. В стране неспокойно. До Вариса с запада доносятся зловещие слухи. Вольные всадники и наемники съезжаются в Утес Кастерли, конечно же, не для того, чтобы развлечься беседой с лордом Тайвином.

— А что говорит король? — потребовал ответа Нед. — Как долго еще намеревается Роберт пребывать на охоте?

– Учитывая его характер, я бы сказал, что его светлость предпочел бы остаться в лесу, пока вы с королевой не скончае­тесь от старости, – ответил лорд Петир, чуть заметно улыб­нувшись. – Однако, поскольку это невозможно, я надеюсь, что король вернется, как только убьет какого-нибудь зверя. Белого оленя они отыскиали... точнее, то, что осталось от него. Волки первыми встретились с ним и оставили его светлости только ножки да рожки. Роберт был в ярости, пока до него не дошли слухи о каком-то чудовищном вепре, обитающем в чаще леса. А посему он отправился за ним. Принц Джоффри вернулся сегодня утром вместе с Ройсами, сиром Бейлоном Сванном и еще двадцатью участниками охоты. Остальные сопровождают короля.

– А Пес? – спросил Нед хмурясь. Теперь, когда сир Джейме бежал из города, чтобы присоединиться к отцу, среди людей Ланнистеров более всех его тревожил Сандор Клигейн.

– О, Пес вернулся вместе с Джоффри и направился прямо к королеве. – Мизинец улыбнулся. – Я охотно расстался бы с сотней серебряных оленей, чтобы подсмотреть, как он отреагирует, когда узнает, что лорд Берик отправился обезглавить его брата.

– Даже слепец способен видеть, что Пес ненавидит своего брата.

– Но Грегор – предмет *его* ненависти, и не вам его убивать. Как только Дондаррион смахнет маковку с Горы, земли Клигейнов и доходы перейдут к Сандору. Но я не стал бы дожи-

даться от него благодарностей. Ну а теперь извините! Леди Танда ожидает меня со своими упитанными тельцами.

Направляясь к двери, лорд Петир заметил увесистый труд великого мэстера Маллеона на столе и в праздном любопытстве перевернул обложку.

– «Происхождение и история великих домов Семи Королевств с жизнеописаниями многих знатных лордов, благородных дам и их детей», – прочел он. – По-моему, нет более скучного чтива. Снотворное средство, милорд?

В какое-то мгновение Неду захотелось рассказать ему все, но шутки Мизинца чем-то раздражали его. Лорд Петир был слишком умен, и насмешливая улыбка не сходила с его губ.

– Джон Аррен изучал этот том, когда болезнь подкосила его, – осторожно проговорил Нед, проверяя реакцию.

И Мизинец ответил как всегда – шуткой:

– В таком случае смерть явилась благословенным облегчением, – лорд Петир Бэйлиш поклонился и отправился прочь.

Эддард Старк позволил себе выругаться. Если не считать его собственных людей, в этом городе не было ни одного человека, которому он мог доверять. Мизинец прятал Кэтлин и помог Неду в его расследовании, однако быстрота, с которой он направился спасти свою шкуру, когда Джейме вместе со своими людьми вырос из пелены дождя, все еще не изгладилась из его памяти. Варис был еще хуже. При всех своих изъявлениях верности евнух знал слишком много, но делал чересчур мало. Великий мэстер Пицель с каждым днем все

более и более казался Неду человеком Серсеи, а сир Барристан явно окостенел от возраста. Он просто посоветовал бы Неду заниматься своими делами.

Времени оставалось прискорбно мало. Скоро король вернется с охоты, и по долгу чести Нед должен был отправиться к нему со всеми своими находками. Вейон Пул устроил, чтобы Санса и Арья через три дня отплыли на «Ведьме ветров», только что пришедшей из Браавоса. Они вернутся в Винтерфелл перед сбором урожая. Нед не мог более оправдывать свое промедление беспокойством за их безопасность.

И все же прошлой ночью ему приснились дети Рэйгара. Лорд Тайвин бросил их тела к подножию Железного трона, обернув в малиновые плащи его домашней гвардии. Умный поступок: кровь не так заметна на красной ткани. Крохотная принцесса, босая, в ночной рубашонке, а мальчик... мальчик...

Нед не мог позволить, чтобы это снова случилось. Королевство не выдержит еще одного безумного короля, еще одной кровавой вакханалии. Нужно спасти детей.

Роберт умел проявлять милосердие. Он простил не только сира Барристана. Великий мэйстер Пицель, Варис-паук, лорд Бейлон Грейджой прежде считались врагами Роберта, и король взял их в друзья, возвратив честь и должность за присягу в верности. Если человек был отважным и честным, Роберт относился к нему со всем почтением, положенным мужественному врагу.

Но здесь было нечто совсем другое: яд в ночи, нож, пронзающий душу. Такого он не простит, как не простил он Рэйгара. «*Он убьет их всех*», — понял Нед. И все же он знал, что не сумеет смолчать. Это долг его — перед Робертом, перед королевством, перед тенью Джона Аррена... и перед Браном, который, вне сомнения, случайно узнал какую-то часть всей истины. Иначе зачем они попытались убить его?

Позже, днем, он призвал к себе Томарда, крупного рыжеусого гвардейца, которого дети звали Толстым Томом. После смерти Джори и отъезда Алина Толстый Том принял команду над гвардией. Мысль эта вселила в Неда смутное беспокойство. Томард был человеком надежным: приветливым, верным, не знавшим усталости, способным — в определенных рамках; однако ему было под пятьдесят, и даже в молодые годы он никогда не проявлял особой прыти. Наверное, Нед поторопился расстаться с половиной своей гвардии, в том числе со всеми лучшими людьми.

— Мне потребуется твоя помощь, — сказал Нед Томарду, появившемуся с выражением некоторой тревоги, всегда читавшейся на лице, когда его вызывал лорд. — Отведи меня в богорошу.

— Разумно ли это, лорд Эддард? При вашей ноге и всем прочем?

— Быть может, и нет, но это необходимо.

Томард позвал Варли. Опершись руками о плечи обоих, Нед умудрился спуститься по крутым ступенькам башни

и переправиться через двор.

– Я хочу, чтобы стражу удвоили, – сказал он Толстому Тому. – Пусть никто не входит и не выходит из башни Десницы без моего разрешения.

Том моргнул.

– М'лорд, сейчас, когда Алина и остальных нет, нас и так не хватает!

– Это ненадолго. Удлини караулы.

– Как вам угодно, м'лорд, – поклонился Том. – Можно ли спросить почему...

– Лучше не стоит, – твердо ответил Нед.

В богороще никого не было, как всегда в этом городе, в этой цитадели южных богов. Ногу Неда пронзила вспышка боли, когда его опустили на траву возле сердце-дерева.

– Благодарю вас. – Он извлек из рукава бумагу, запечатанную знаком его дома. – Будьте добры доставить это незамедлительно.

Томард поглядел на имя, которое Нед написал на бумаге, и тревожно облизнул губы.

– Милорд...

– Делай, что я приказал, Том, – сказал Нед.

Как долго пришлось ему ожидать в тишине богорощи, Нед не мог бы сказать. Среди деревьев властвовал покой. Толстые стены гасили шум замка. Нед слышал пение птиц, стрекот сверчков, шелест листьев под мягким ветром. Сердце-деревом был здесь дуб, безликий и бурый, но Нед Старк

тем не менее ощущал присутствие своих богов. Даже нога его болела не так сильно.

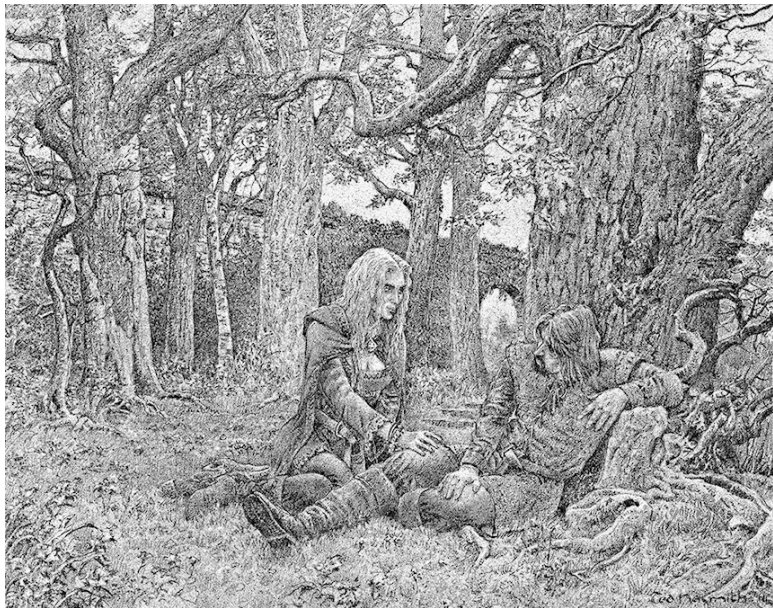
...Она явилась к нему на закате, когда облака над стенами и башнями побагровели. Она пришла одна, как он и просил ее.

На этот раз она была одета просто: кожаные ботинки и охотничий зеленый костюм. Когда она откинула назад капюшон бурого плаща, Нед увидел синяк на ее лице, оставленный рукой короля. Сливовый тон успел поблекнуть и пожелтеть, и опухоль спала, однако синяк есть синяк.

– Почему именно здесь? – спросила Серсея Ланнистер, останавливаясь над ним.

– Чтобы видели боги.

Она опустилась возле него на траву. Все движения королевы были изящны. Светлые кудри трепал ветерок, а глаза отливали зеленой летней листвой. Нед давно уже не замечал ее красоты, но на этот раз не мог не обратить на нее внимания.

– Я знаю, почему умер Джон Аррен, – сказал он.

– В самом деле? – Королева глядела ему в лицо, настороженная словно кошка. – И поэтому призвали меня сюда, лорд Старк?.. Чтобы загадать мне загадку? Или вы намереваетесь захватить меня? Как ваша жена – моего брата?

– Если бы вы действительно верили в это, то не пришли бы. – Нед мягко прикоснулся к ее щеке. – Это уже не впервые, так?

– Случалось раз или два. – Королева отодвинулась от его руки. – Но не по лицу. Тогда Джейме убил бы его даже ценой

собственной жизни. — Она с вызовом поглядела на Неда. — Мой брат стоит сотни таких, как ваш друг.

— Ваш брат или ваш любовник? — спросил Нед.

— И то и другое сразу. — Королева не стала скрывать истину. — Мы провели детство вместе. А почему бы и нет? Чтобы сохранить чистоту крови, Таргариены выдавали сестру за брата три сотни лет. А мы с Джейме не просто брат и сестра. Мы — одна личность в двух телах. Мы делили одно чрево, и он вышел в этот мир, держа меня за ногу, так говорил наш старый мэйстер. Когда он во мне, я ощущаю себя... целой. — Призрачная улыбка мелькнула на ее губах.

— А мой сын Бран...

К чести ее, Серсея не отвернулась.

— Он видел нас. Вы ведь любите своих детей?

В утро перед общей схваткой Роберт задавал ему тот же самый вопрос. И Нед ответил точно так же:

— Всем сердцем.

— Ну и я своих люблю не меньше.

Нед подумал: *«Если потребуется заплатить жизнью какого-то неизвестного ребенка за жизнь Робба, Сансы, Арьи, Брана и Рикона, что бы я сделал? Более того, как поступила бы Кэтлин, если бы нужно было отдать жизнь Джона ради ее детей?»* Он не знал ответа. Он молился, чтобы никогда его не узнать.

— Все трое от Джейме, — проговорил он. Это был не вопрос.

– Благодарение богам...

«*Семя крепкое*», – взывал Джон Аррен со своего смертного одра, и так оно и было. Все бастарды короля черноволосы как ночь. Великий мэйстер Маллеон писал, что последний брак между оленем и львом состоялся девяносто лет назад, когда Тия Ланнистер вышла за Гоуэна Баратеона, третьего сына правящего лорда. Их единственный отпрыск, описанный в томе Маллеона как *«рослый, крепкий и черноволосый мальчик»*, умер в младенчестве. За тридцать лет до того мужчина из рода Ланнистеров взял в жены девушку из Баратеонов. Она родила ему трех дочерей и сына, и все были черноволосы. И сколько бы ни искал Нед на хрупких пожелтевших страницах, всегда оказывалось, что золото уступало углю.

– Прошла дюжина лет, – сказал Нед. – Как случилось, что у вас нет детей от короля?

Она надменно подняла голову.

– Твой Роберт однажды наградил меня ребенком, – сказала она голосом, полным презрения. – Мой брат отыскал женщину, чтобы она очистила меня, король так и не узнал об этом. Откровенно говоря, я едва переносу его прикосновения и уже много лет не пускала его в себя... Я знаю другие способы удовлетворить его, когда он, бросив своих шлюх, бредет к моей опочивальне на нетвердых ногах. Что бы мы ни делали, король обычно бывает настолько пьян, что, побывав у меня, к утру обо всем забывает.

Как могли они все быть такими слепыми? Правда все вре-

мя стояла перед ними, написанная на лицах детей. Нед ощутил дурноту.

– Я помню Роберта в тот день, когда он вступил на престол, он был королем каждым дюймом своего тела, – сказал Нед негромко. – Тысяча других женщин любила бы его всем сердцем. Что он сделал такого, что вы возненавидели его?

Глаза ее вспыхнули в сумерках зеленым огнем, как у львицы на ее гербе.

– В нашу брачную ночь, когда мы впервые разделили постель, он называл меня именем твоей сестры. Он был на мне, во мне... от него разило вином, и он шептал: «*Лианна*».

Нед вспомнил бледно-голубые розы, и ему на мгновение захотелось плакать.

– Не знаю, кого из вас мне жалеть...

Королеву, казалось, это позабавило.

– Приберегите свою жалость для себя, лорд Старк. Мне она не нужна.

– Вы знаете, что я должен сделать.

– *Должен?* – Королева опустила руку на его здоровую ногу, как раз над коленом. – Истинный мужчина делает то, что он хочет, а не то, что он должен. – Пальцы ее прикоснулись к бедру легчайшим из обещаний. – Королевство нуждается в сильном деснице. Джофф еще далек от зрелости. Никто не хочет новой войны, и меньше всех ее хочу я. – Рука ее прикоснулась к его лицу, его волосам. – Если друзья могут стать врагами, то и враги способны превратиться

в друзей. Ваша жена в тысяче лиг отсюда, а брат мой бежал. Будьте добры ко мне, Нед. Клянусь, вы никогда не пожалеете об этом.

– То же самое вы предлагали и Джону Аррену?

Она ударила его.

– Буду носить его как знак чести, – сухо сказал Нед.

– *Чести!* – плюнула она. – Как вы смеее становиться передо мной в позу благородного лорда? За кого вы меня принимаете? У вас есть собственный бастард, я видела его. Кем же была его мать, интересно? Какой-нибудь дорнийской крестьянкой, которую вы изнасиловали возле горящего дома? Шлюхой? Или это скорбная сестра, леди Ашара? Мне сказали, она утопилась. Из-за чего вдруг? Из-за брата, которого вы убили, или из-за ребенка, которого вы выкрали? Скажите же, мой *достопочтенный* лорд Эддард, чем же вы лучше меня, Роберта или Джейме?

– Начнем с того, – проговорил Нед, – что я не убиваю детей. Советую вам меня послушать, миледи. Повторять я не стану. Когда король возвратится с охоты, я выложу ему всю правду. К этому времени вы должны уехать, вместе с детьми, всеми троими, но только не в Утес Кастерли. На вашем месте я бы отплыл на корабле в Вольные города, или подалее – на Летние острова, или в Порт-Иббен. Так далеко, как только сможете.

– Изгнание – горькая чаша, – заметила королева.

– Более сладкая, чем та, из которой ваш отец напоил де-

тей Рэйгара, – ответил Нед. – И более добрая, чем вы заслуживаете. Неплохо бы взять с собой и отца вместе с братьями. Золото лорда Тайвина купит всем комфорт и поможет нанять мечи. Вам они потребуются. Обещаю, что куда бы вы ни бежали, гнев Роберта повсюду последует за вами – если потребуются, и на край земли.

Королева встала.

– А как насчет моего гнева, лорд Старк? – спросила она негромко, ее глаза впились в лицо Неда. – Вам следовало взять власть в свои руки. Это было нетрудно сделать. Джейме рассказал мне, как вы обнаружили его на Железном троне в тот день, когда пала Королевская Гавань, и заставили спуститься с него. То был ваш час. Вам оставалось лишь подняться по этим ступенькам и сесть. Какая прискорбная ошибка.

– Я наделал куда больше ошибок, чем вы можете представить, – сказал Нед. – Но не числю среди них этого поступка.

– О нет. Вы ошибаетесь, милорд, – настаивала Серсея. – В игре престолов либо побеждают, либо погибают. Третьего не дано.

Накинув капюшон, чтобы скрыть опухшее лицо, она оставила его во тьме под дубом в тишине богороши – под иссиня-черным небом, на котором начали высypать звезды.

Дэйнерис

Сердце дымилось на вечернем холодке, когда кхал Дрого подал ей кровавую плоть обгаренными до локтя руками. Позади кхала стояли кровные всадники – на песке, на коленях возле туши дикого жеребца, с каменными ножами в руках. Кровь жеребца казалась черной в дрожащем оранжевом свете факелов, закрепленных на высоких меловых стенах ямы.

Дэни прикоснулась к своему мягкому округлившемуся животу. Капли пота выступили на ее коже, стекали по лбу. Она чувствовала на себе взгляд женщин, древних старух Вэс Дотрак, чьи темные глаза блестели на морщинистых лицах, словно шлифованный камень. Она не должна дрогнуть или выглядеть испуганной. *«Я от крови дракона»*, – сказала она себе, взяла сердце жеребца обеими руками, поднесла ко рту и впилась зубами в упругую жилистую плоть.

Теплая кровь наполнила рот Дэни, побежала по подбородку. От вкуса ее едва не вырвало, однако она заставила себя прожевать и проглотить первый кусок. Дотракийцы верили, что сердце жеребца сделает ее сына сильным, быстрым и бесстрашным, но только если мать сумеет съесть его целиком. Если женщина давилась кровью или исторгала мясо, предзнаменование считалось неблагоприятным; дитя могло оказаться мертворожденным, слабым или уродливым. Или даже родиться девочкой...

Служанки помогли Дэни подготовиться к церемонии. Невзирая на слабость желудка, преследовавшую ее две последние луны из-за беременности, Дэни съедала на обед миски полусвернувшейся крови, чтобы привыкнуть к вкусу, а Ирри заставляла ее жевать полоски вяленой конины, пока не заболели челюсти. Перед обрядом она ничего не ела весь день и всю ночь в надежде, что голод поможет ей удержать сырое мясо.

Сердце дикого жеребца состояло из одних только мышц, и Дэни приходилось отрывать зубами и долго жевать каждый кусок. Сталь была под запретом в священных пределах Ваэс Дотрак, под сенью Матери Гор, и ей приходилось рвать мясо зубами и ногтями. Желудок ее бурлил и волновался, но она продолжала; лицо ее было измазано в крови, которая иногда словно вырывалась из сердца и выплескивалась ей на губы.

Она ела, кхал Дрого возвышался над ней с лицом твердым, словно бронзовый щит. Длинная черная коса кхала блестела, умощенная маслом. На его усах были надеты золотые кольца, золотые колокольчики вплетены в косу, тяжелый пояс из золотых медальонов перехватывал талию, но грудь оставалась нагой. Когда силы оставляли ее, Дэни глядела на Дрого, просто глядела и снова жевала и глотала, жевала и глотала, жевала и глотала. Под конец Дэни показалось, что она заметила свирепую гордость в его темных миндалевидных глазах, но уверенной она быть не могла: лицо кхала нечасто выдавало его мысли.

Наконец все было закончено. Ее щеки и пальцы были липкими от крови, когда она заставила себя проглотить последний кусок. И только тогда Дэни обернулась к старухам, каргам дош кхалина.

– *Кхалакка дотраэ мранха!* – провозгласила она, стараясь точно произносить дотракийские слова. «*Принц скачет во мне!*»

Она много дней училась произносить эту фразу со своей служанкой Чхики.

Самая древняя из старух, согбенная и иссохшая, словно палка, с одним черным глазом, воздела руки к небу.

– *Кхалакка дотраэ!* – вскричала она. «*Принц скачет!*»

– *Он скачет!* – вступили другие женщины. – *Ракх! Ракх! Ракх хадж!* – возвещали они. «*Мальчик, мальчик, сильный мальчик*».

Бронзовыми птицами запели колокола. Хрипло прозвучал долгий низкий зов боевого рога. Женщины запели. Под раскрашенными кожаными жилетами тряслись иссохшие мешки, поблескивавшие от масла и пота. Евнухи, прислуживавшие старухам, бросали пучки сушеных трав на огромную бронзовую жаровню, и облака благоуханного дыма поднимались к луне и звездам. Дотракийцы видели в звездах коней, сотворенных из огня, великий табун, скачущий по ночному небу.

Дым поднимался, песнь умолкла, и древняя старуха закрыла единственный глаз, чтобы лучше разглядеть буду-

щее. Вокруг воцарилось полнейшее молчание. Дэни слышала только далекий зов ночных птиц, шипение и треск факелов, мягкий плеск воды в озере. Дотракийцы не отрываясь смотрели на нее черными, как ночь, глазами и ждали.

Кхал Дрого положил ладонь на руку Дэни. Она почувствовала напряженность в его пальцах. Даже такой могущественный кхал, как Дрого, испытывал страх, пока дош кхалин искал в дыму черты грядущего. За спиной Дэни трепетали ее служанки.

Наконец старуха открыла глаз и подняла руки.

– Я видела его лицо и слышала грохот его копыт, – провозгласила она тонким дрожащим голосом.

– Грохот его копыт! – хором подтвердили остальные.

– Скачет он, быстрый как ветер, а за конем его кхаласар покрывает землю; мужам сим нет числа, и аракхи блестят в их ладонях, подобно лезвиям меч-травы. Свирепый как буря будет этот принц. Враги его будут трепетать перед ним, и жены их возрыдают кровавыми слезами и в скорби раздерут свою плоть. Колокольчики в его волосах будут петь о его приближении, и молочные люди в своих каменных шатрах будут страшиться одного только его имени. – Старуха затрепетала и поглядела на Дэни словно бы в испуге. – Принц едет, и он будет тем жеребцом, который покроет весь мир.

– *Жеребцом, который покроет весь мир!* – эхом повторяли присутствующие, и ночь наполнилась звоном их голосов.

Одноглазая старуха поглядела на Дэни.

– А как же будет он зваться, жеребец, который покроев весь мир?

Дэни встала, чтобы ответить.

– Его будут звать Рэйго, – проговорила она слова, которым научила ее Чхики. Ее руки легли на живот, защищая ребенка, когда среди дотракийцев поднялся рев:

– *Рэйго*, – кричали они – *Рэйго, Рэйго, Рэйго!*

Имя сына еще звенело в ушах Дэни, когда кхал Дрого повел ее прочь из ямы. Кровные всадники следовали за ними. Шествие потянулось следом по божьему пути – широкой, заросшей травой дороге, что бежала через самое сердце Ваэс Дотрак, от конных ворот к Матери Гор. Первыми шли старухи дош кхалина со своими евнухами и рабами, некоторые опирались на высокие резные посохи, с трудом передвигая древние трясущиеся ноги по дороге, другие же шествовали горделиво, как любой из владык табунщиков. Некогда каждая из старух была кхалиси. Жену присылали сюда править великим дотракийским народом после смерти благородного мужа, когда новый кхал со своей кхалиси занимал его место перед всадниками. Даже могущественнейшие из кхалов преклонялись перед мудростью и властью дош кхалина. И все же Дэни содрогалась от мысли, что однажды и ее могут отправить к ним, захочет она того или нет.

Позади мудрых старух шли остальные: кхал Ого и его сын, кхалакка Фого, кхал Джоммо и его жены, главные из приближенных Дрого, служанки Дэни, слуги и рабы кхала и так

далее. Колокола и барабаны задавали величественный ритм движению процессии, торжественно шествовавшей по бо-
жьему пути. Украденные герои и боги мертвых народов про-
ступали во тьме за дорогой. Вдоль шествия проворно бежали
по траве рабы с факелами в руках, и из-за мерцания огней
огромные монументы казались почти живыми.

– Имя Рэйго, что значит? – спросил ее Дрого на общем
языке Семи Королевств – при возможности Дэни старалась
научить его нескольким словам. Дрого учился быстро, когда
хотел этого, однако акцент его был столь сильным и грубым,
что ни сир Джорах, ни Визерис не понимали ни слова из того,
что говорил кхал.

– Мой старший брат Рэйгар был свирепым воином,
мое солнце и звезды, – отвечала она мужу. – Он умер до мо-
его рождения. Сир Джорах говорит, что он был последним
драконом.

Кхал Дрого поглядел на нее сверху вниз. Лицо его каза-
лось медной маской, но ей показалось, что под длинными
черными усами, поникшими под весом золотых колец, про-
мелькнула тень улыбки.

– Это есть хорошее имя, Дан Арес жена, луна моей жиз-
ни, – проговорил он.

Они приехали к озеру, которое дотракийцы именовали
Чревом Мира; окруженные зарослями тростников, воды его
всегда оставались чистыми и спокойными. Тысячу тысяч лет
назад, как рассказывала ей Чхики, первый человек выехал

из его глубин верхом на первом коне.

Процессия остановилась на травянистом берегу, тем временем Дэни разделась и сбросила свою грязную одежду на землю. Нагая, она осторожно ступила в воду. Ирри утверждала, что у озера этого нет дна, однако Дэни ощущала, как мягкая грязь просачивается между ее пальцами, пока она шла, раздвигая высокий тростник. Луна плавала на спокойных черных водах, разбиваясь на осколки и складываясь вновь, когда волны от ее ног накладывались на отражение. По ее бледной коже побежали мурашки, когда холод поднялся вверх по бедрам, поцеловал нижние губы. Кровь жеребца засохла на ее руках и около рта. Зачерпнув обеими ладонями, Дэни подняла священную воду над головой, очищая себя и дитя, находящееся внутри ее чрева; кхал и все остальные глядели на нее. Она слышала, как бормотали старухи дош кхалина, и гадала, что они говорят.

Когда мокрая и дрожащая Дэни выбралась из озера, служанка ее Дореа заторопилась к ней с одеянием из крашеного шелка, но кхал Дрого отослал ее прочь движением руки. Он с одобрением глядел на вздувшееся чрево и налившиеся груди жены, и Дэни заметила, как напряглась его мужественность под штанами из конской шкуры, ниже тяжелых золотых медальонов пояса.

Она подошла к нему и помогла распустить шнурок. Могучий кхал взял ее за бедра и поднял в воздух, словно ребенка. Колокольчики в волосах его мягко зазвенели.

Дэни обхватила мужа за плечи и прижалась к его шее лицом, когда он вошел в нее. Три быстрых движения – и все было кончено.

– *Жеребец, который покроет весь мир*, – хрипло прошептал Дрого. Руки его все еще пахли конской кровью. В миг высшего наслаждения он прикусил кожу на ее шее, а потом снял с себя, и семя его потекло по бедрам Дэни. Только после этого Дореа было позволено набросить на нее надушенный шелк, а Ирри – надеть мягкие тапочки на ее ноги.

Кхал Дрого завязал штаны, отдал приказ, и на берег вывели коней. Кохолло была предоставлена честь помочь кхалиси подняться на свою Серебрянку. Дрого прищипорил своего жеребца и направился прочь по божьему пути, под луной и звездами. Дэни легко догнала его.

Шелковый полог, что заменял крышу в приемном зале кхала Дрого, сегодня был свернут, и луна последовала за ними внутрь. Пламя трех огромных, обложенных камнями очагов поднималось на десять футов вверх. Воздух был насыщен запахами жарящегося мяса и кислого кобыльего молока. Полный зал гудел – здесь на подушках сидели те, чей сан и имя не давали права присутствовать при церемонии. Дэни въехала в арку, проехала дальше по проходу между сидящими; все глядели на нее. Дотракийцы перекрикивались, превознося ее чрево и грудь, возвеличивая жизнь, растущую внутри нее. Дэни не могла понять всего, что они кричали, но одну фразу разобрать было легко.

– *Жеребец, который покрывает весь мир*, – звучал тысяче-голосый хор.

Звуки барабанов и рогов вились в ночи. Полуодетые женщины кружили и плясали на низких столах, среди кусков мяса и подносов, заваленных сливами, финиками и гранатами. Многие мужчины уже опьянели от перебродившего кобыльего молока, но Дэни знала: сегодня арахам не звенеть друг о друга; здесь, в священном городе, запрещалось обнажать мечи и лить кровь.

Кхал Дрого спешил и занял свое место на высокой скамье. Кхал Джоммо и кхал Ого, прибывшие в Ваэс Дотрак со своими кхаласарами раньше него, были удостоены самых почетных мест – справа и слева от Дрого. Ниже трех кхалов сидели их кровные всадники, а еще дальше – четыре жены кхала Джоммо.

Дэни слезла со своей Серебрянки и отдала поводья одному из рабов. Пока Дореа и Ирри устраивали для нее подушки, она искала взглядом своего брата. Даже в противоположном конце заполненного людьми зала Визерис должен был быть замечен с его бледной кожей, серебристыми волосами и нищенскими лохмотьями, но она нигде не видела его. Ее взгляд блуждал по столам, стоявшим возле стен, где множество мужчин, чьи косы были даже короче их мужского признака, сидели на обтрепанных ковриках и плоских подушках. Но все лица, что она видела, были черноглазы и меднокожи. Она заметила сира Джораха Мормонта в середи-

не зала возле главного очага. Место это было почетным, если не больше: дотракийцы ценили искусство рыцаря во владении мечом. Дэни послала Чхики привести его к своему столу. Мормонт явился немедленно и опустился перед ней на одно колено.

– Кхалиси, – проговорил он, – приказывайте, повинуюсь.

Она хлопнула по набитой подушке из конской шкуры возле себя.

– Садитесь и поговорите со мной.

– Вы оказываете мне честь. – Рыцарь уселся на подушку, скрестив ноги. Раб опустился перед ним на колени, предлагая деревянное блюдо, полное спелых фиг. Сир Джорах взял одну и откусил половину.

– Где мой брат? – спросила Дэни. – Он должен бы уже появиться на пиру.

– Я видел его светлость этим утром, – сказал ей Мормонт. – Он говорил, что собирается на западный рынок, чтобы найти вина.

– Вина? – с сомнением повторила Дэни. Визерис не мог переносить вкуса перебродившего молока, которое пили дотракийцы, она знала это; в эти дни брат частенько посещал базары, выпивая с торговцами, приводившими великие караваны с запада и востока. Похоже, он находил их общество более приятным, чем ее.

– Вина, – подтвердил сир Джорах. – У него есть мысль набрать в свое войско людей из наемников, охраняющих ка-

раваны.

Служанка положила перед ним пирог с кровью, и рыцарь схватил его обеими руками.

– А это разумно? – спросила она. – У него нет золота, чтобы заплатить солдатам. Что, если они предадут его? – Караванную стражу редко тревожили мысли о чести, а узурпатор в Королевской Гавани хорошо заплатил бы за голову ее брата. – Вам следовало бы пойти с ним, чтобы охранять его. Вы же присягнули ему.

– Мы находимся в Ваэс Дотрак, – напомнил ей рыцарь. – Здесь никто не вправе обнажить клинок и пролить кровь.

– Но люди тем не менее умирают, – сказала она. – Так сказал мне Чхого. Некоторые из торговцев привозят с собой рослых евнухов, которые удавливают воров шелковой лентой. При этом кровь не проливается, и боги спокойны.

– Тогда будем надеяться, что ваш брат проявит достаточно мудрости и не будет ничего красть. – Сир Джорах стер жир со рта тыльной стороной ладони и пригнулся над столом. – Он намеревался забрать у вас драконьи яйца, но я предупредил, что отсеку ему руку, если он посмеет даже прикоснуться к ним.

На мгновение Дэни почувствовала такое потрясение, что у нее даже не хватило слов.

– Драконьи яйца... но они *мои*... магистр Иллирио дал их мне, это подарок к свадьбе, зачем Визерису... это только камни...

– Этим же словом можно назвать и рубины, алмазы и огненные опалы, принцесса... но драконьи яйца встречаются куда реже. Торговцы, с которыми он пьет, позволяют отрезать свою мужественность даже за один из этих камней, ну а за три Визерис сможет нанять столько наемников, сколько ему потребуется.

Дэни не знала, даже не подозревала об этом.

– Тогда он должен получить их. Ему незачем их красть. Нужно было только попросить. Он мой брат... и мой истинный король.

– Да, он ваш брат, – согласился сир Джорах.

– Вы не понимаете, сир, – сказала она. – Мать моя умерла, давая мне жизнь, а отец и мой брат Рэйгар погибли еще до того. Я не знала бы даже их имен, если бы рядом не было Визериса, чтобы рассказать мне. Он – единственный, кто остался. Единственный. Кроме него, у меня никого нет.

– Так было прежде, – сказал сир Джорах, – но теперь это не так, кхалиси. Вы теперь стали дотракийкой. В чреве вашем едет жеребец, который покроеет весь мир. – Он поднял чашу, и раб наполнил ее перебродившим кобыльим молоком, кислым и полным комков.

Дэни отмахнулась. Даже от запаха ее затошнило, и она не хотела рисковать, не хотела расставаться с кусками конского сердца, которое с таким трудом заставила себя съесть.

– Что это значит? – спросила она. – Что это за жеребец? Все кричат мне эти слова, но я не понимаю их смысла.

– Жеребец – это кхал кхалов, предсказанный в древнем пророчестве, дитя. Он объединит дотракийцев в единый кхаласар и приведет их на край земли, так было обещано. Все люди мира будут его табуном.

– Ой, – сказала Дэни тоненьким голосом. Рука ее разгладила платье на округлившемся животе. – Я назвала его Рэйго...

– От этого имени кровь в жилах узурпатора застынет.

Вдруг Дореа потянула ее за локоть.

– *Моя госпожа*, – настойчиво шепнула служанка, – ваш брат...

Дэни поглядела в дальний конец длинного, лишённого крыши зала и заметила брата, который направлялся к ней. По его походке она сразу поняла, что Визерис отыскал свое вино... и нечто похожее на отвагу.

На Визерисе были алые шелка, грязные и запачканные в дороге. Плащ и перчатки из черного бархата выцвели на солнце. Пересохшие сапоги его потрескались, серебристые волосы свалились и спутались. Когда он проходил мимо, дотракийцы смотрели на его меч, и Дэни слышала их проклятия и угрозы, гневный ропот приливом охватывал ее. Умолкла и музыка, и притих нервный, оступающийся рокот барабанов.

Сердце ее сжалось от страха.

– Ступайте к нему, – приказала она сиру Джораху. – Остановите его. Приведите сюда. Скажите ему, что он может за-

брать драконьи яйца, если этого он хочет.

Рыцарь быстро поднялся.

– Где моя сестра? – крикнул Визерис, язык его заплетался от вина. – Я пришел на ее пир. Как вы посмели сесть за трапезу без меня? Никто не приступает к еде прежде короля. Где она? Эта шлюха не может укрыться от дракона!

Он остановился возле самого большого из трех очагов, вглядываясь в лица дотракийцев. В зале собралось тысяч пять человек, но лишь горстка из них знала общий язык. Но даже если слова его оставались непонятными, достаточно было взглянуть на Визериса, чтобы понять, что он пьян.

Сир Джорах торопливо подошел к нему, что-то шепнул на ухо и взял за руку, но Визерис вырвался.

– Убери свои руки! Никто не смеет прикасаться к дракону без его разрешения!

Дэни тревожно посмотрела вверх на высокую скамью. Кхал Дрого что-то говорил кхалам, сидевшим возле него. Кхал Джоммо ухмылялся, а кхал Ого уже громко хохотал.

Смех заставил Визериса поднять глаза.

– Кхал Дрого, – сказал он заплетающимся языком, голос его прозвучал почти вежливо, – я прибыл на пир! – Он отшатнулся от сира Джораха, пытаясь подняться к трем кхалам на высокой скамье.

Кхал Дрого поднялся, выплюнул дюжину слов на дотракийском быстрее, чем Дэни могла понять его, и указал пальцем.

– Кхал Дрого говорит, что место ваше не на высокой скамье, – перевел сир Джорах ее брату. – Кхал Дрого говорит, что место ваше там.

Визерис поглядел туда, куда указывал кхал. В дальней части длинного зала, в уголке у стены, прячась в тени так, чтобы лучшие люди не видели их, сидели нижайшие из нижайших. Мальчишки, еще не пролившие крови, старики с затуманившимися глазами и одеревеневшими суставами. Слабые и калеки. Вдали от мяса и еще дальше от чести.

– Это не место для короля, – объявил ее брат.

– Место, – отвечал кхал Дрого на общем языке, которому научила его Дэни, – для Король, Стерший Ноги. – Он хлопнул в ладоши. – Телега! Подать телега для Кхал Рхаггат!

Пять тысяч дотракийцев разразились смехом и воплями. Сир Джорах стоял возле Визериса и кричал ему в ухо, но в зале поднялся столь громогласный рев, что Дэни не слышала его слов. Брат ее закричал в ответ, и они схватились, пока Мормонт ударом не свалил Визериса на землю.

Брат ее извлек меч.

Обнаженная сталь сияла жутким багрянцем в свете очагов.

– *Держись подальше от меня!* – прошипел Визерис. Сир Джорах отступил на шаг, и брат ее неуверенно поднялся на ноги. Он махнул над головой чужим клинком, который магистр Иллирио дал Визерису, чтобы тот приобрел более царственный вид. Дотракийцы кричали со всех сторон, осы-

пая его злобными проклятиями.

Дэни вскрикнула от ужаса. Даже если ее брат не знал, что означает здесь обнаженный меч, ей это было известно.

Визерис повернул голову на ее голос и наконец заметил сестру.

– А, вот и она! – сказал он с улыбкой. И направился к ней, рассекая воздух мечом, словно прорубая путь сквозь стену врагов, хотя никто не пытался преградить ему дорогу.

– Клинок... ты не должен, – просила она его. – Пожалуй-ста, Визерис. Это запрещено. Опустите меч и садись на подушки. Пей, ешь. Тебе нужны драконьи яйца? Возьми их, только брось меч.

– Делай, как она говорит тебе, дурак, – закричал сир Джо-рах. – Пока они не убили всех нас из-за тебя.

Визерис расхохотался.

– Они не могут убить нас. Им нельзя проливать кровь в священном городе... а *мне* можно. – Он приложил острие меча к груди Дэйнерис и провел им по ее животу. – Я хочу получить то, зачем прибыл сюда, – сказал он сестре. – Я хочу корону, которую он обещал мне. Он купил тебя, но не заплатил. Скажи ему, что я хочу получить то, что мне причитается, или я забираю тебя назад. Тебя и драконьи яйца. Он может взять себе проклятого жеребенка. Я вырежу ублюдка и оставлю ему.

Меч пронзил шелка и кольнул пупок. Визерис плакал, Дэйнерис видела это, он плакал и хохотал одновременно,

этот человек, когда-то бывший ее братом. Будто издалека Дэни слышала, как Чхики умоляла ее, рыдала от страха, не смея переводить, боясь, что кхал привяжет ее позади своего коня и протащит до самой Матери Гор. Дэни обняла девушку за плечи:

– Не бойся, я сама скажу ему.

Дэни не знала, хватит ли у нее слов, но когда она договорила, кхал Дрого произнес несколько отрывистых предложений на дотракийском, и она увидела, что он понял ее.

Солнце ее жизни спустился вниз с высокой скамьи.

– Что он сказал? – спросил, отступая, человек, который когда-то был ее братом.

В зале стало так тихо, что она слышала колокольчики в волосах кхала Дрого, мягко певшие при каждом его шаге. Кровные всадники следовали за ним, как три медные тени. Дэйнерис похолодела.

– Он говорит, что ты получишь великолепную золотую корону, при виде которой люди будут трепетать...

Визерис улыбнулся и опустил свой меч. Это было печальнее всего, эта его улыбка так мучила ее потом.

– Это все, что я хотел, – сказал он. – То, что было обещано. Когда муж, солнце ее жизни, подошел к ней, Дэни обняла его за талию. Кхал произнес слово, и кровные всадни-

ки бросились вперед. Квото схватил человека, который когда-то был ее братом, за руки. Хагто сломал ему запястье резким поворотом огромных ладоней. Кохолло вырвал меч из обмякших пальцев. Но даже теперь Визерис еще ничего не понял.

– Нет, – закричал он, – вы не смеете прикасаться ко мне, я – дракон, *ДРАКОН*, и я получу *корону*!

Кхал Дрого расстегнул пояс, медальоны были отлиты из чистого золота, тяжелые, богато украшенные, каждый величиной с мужскую ладонь. Кхал выкрикнул приказ. Рабы потянули с очага тяжелый кухонный котел, опорожнили его на землю и вернули в огонь. Дрого бросил в него пояс и без всякого выражения наблюдал за тем, как медальоны краснеют и начинают оплывать. Дэни видела, как пламя пляшет в ониксе его глаз. Раб подал кхалу пару толстых рукавиц из конского волоса, он натянул их на руки, даже не поглядев на невольника.

Визерис завопил отчаянным тонким голосом труса, увидевшего свою смерть. Он брыкался и вырывался, скулил как пес и рыдал как дитя, но дотракийцы крепко держали его. Сир Джорах пробрался к Дэни и положил руку ей на плечо.

– Отвернитесь, моя принцесса, умоляю вас.

– Нет. – Она обняла руками свой круглый живот, защищая дитя.

В последний миг Визерис поглядел на нее.

– Сестра, прошу... Дэни, скажи им... заставь их... милая сестрица...

Когда золото наполовину расплавилось и начало растекаться, Дрого потянулся к пламени и выхватил котел.

– Корона! – взревел он. – Вот. Корона для Тележный Король! – И опрокинул котел на голову человека, который когда-то был ее братом.

Вопль, который издал Визерис Таргариен, когда жуткий железный шлем накрыл его лицо, ничуть не напоминал человеческий. Ноги его выбили отчаянную дробь по утоптанной земле, движения их замедлились, остановились. Густые капли расплавленного золота стекали ему на грудь, заставляя алый шелк тлеть... но ни капли крови не было пролито.

«Он не был драконом, – подумала Дэни со странным спокойствием. – Огонь не может убить дракона».

Эддард

Он шел через крипту под Винтерфеллом, как ходил тысячу раз до этого. Короли Зимы следили за ним ледяными глазами, а лютоволки у их ног поворачивали огромные каменные головы и рычали. Наконец он подошел к гробнице, где возле Лианны и Брандона покоился его отец.

– *Обещай мне, Нед*, – шепнуло изваяние Лианны. На нем была гирлянда из бледно-голубых роз, глаза сестры плакали кровью.

С колотящимся сердцем Эддард Старк подскочил на кровати; одеяла запутались вокруг него. В комнате было темно как в яме, кто-то барабанил в двери.

– Лорд Эддард, – позвал громкий голос.

– Мгновение, – ничего не соображавший, нагой, он прохромал через темную палату. Когда он открыл дверь, то обнаружил там Томарда с занесенным кулаком и Кейна с тоненькой свечой в руке. Между ними стоял личный стюард короля.

Лицо его могло быть высеченным из камня, настолько мало оно показывало.

– Милорд десница, – проговорил стюард, – Его светлость король требует вашего немедленного присутствия.

Итак, Роберт вернулся с охоты. Время закончилось.

– Мне нужно немного времени, чтобы одеться. – Нед оста-

вил человека ожидать снаружи.

Кейн помог ему одеться. Белая льняная рубаха и серый плащ, брюки, разрезанные вдоль заключенной в лубок ноги, знак должности и в последнюю очередь – пояс из тяжелых серебряных звеньев. В ножны на поясе он вложил валирийский кинжал.

Кейн и Томард повели его через внутренний двор. В Красном замке было темно и тихо, луна невысоко висела над стенами – еще не созревшая, но стремящаяся к полноте. На стене расхаживал стражник в золотом плаще.

Королевские покои находились в крепости Мэйгора, массивной квадратной крепости, истинном сердце Красного замка, обнесенной стенами двенадцати футов толщиной и окруженной сухим рвом, усаженным железными шипами. Это был замок внутри замка. Сир Борос Блаунт охранял дальний конец моста, белая стальная броня казалась призрачной в лунном свете. Оказавшись внутри, Нед миновал еще двоих рыцарей Королевской гвардии. Сир Престон Гринфилд стоял у подножия ступеней, а сир Барристан Селми ожидал у дверей королевской опочивальни. *«Трое в белых плащах»*, – подумал он, вспоминая, и странный холодок пробежал по его спине. Лицо сира Барристана было белым, как и его броня. Неду хватило лишь одного взгляда на него, чтобы понять, что случилось нечто ужасное. Королевский стюард отворил дверь.

– Лорд Эддард Старк, десница короля, – объявил он.

– Введите его сюда, – проговорил странный глухой голос.

Пламя горело в одинаковых очагах в каждом конце опочивальни, наполняя комнату мрачным алым светом. Жара внутри удушала. Роберт лежал под пологом на постели. Около его ложа стоял великий мэйстер Пицель, лорд Ренли беспокойно расхаживал перед закрытыми окнами. Слуги снова-ли взад и вперед, подкладывая поленья в очаг, и кипятили вино. Серсея Ланнистер сидела на краю постели возле своего мужа. Волосы ее были взлохмачены, словно со сна, но в глазах королевы дремоты не было. Она следила за Недом, которому Томард и Кейн помогали пересечь комнату. Ему казалось, что он двигался очень медленно, словно бы во сне.

Король лежал в сапогах. Нед видел засохшую грязь и травинки, прилипшие к коже сапог, носками торчащих из-под прикрывавшего его одеяла. Зеленый дублет остался на полу, распоротый и брошенный, ткань покрывали засохшие красно-бурые пятна. В комнате пахло дымом, кровью и смертью.

– Нед, – шепнул король, увидев его. Лицо Роберта было белое, как молоко. – Подойди... ближе.

Люди помогли Неду приблизиться. Он оперся рукой на столб балдахина. Одного только взгляда на Роберта было довольно, чтобы понять, как плохо королю.

– Что?.. – спросил он, и у него перехватило горло.

– Вепрь. – Лорд Ренли оставался в охотничьем зеленом костюме, плащ его был запачкан кровью.

– Дьявол, – хрипел король. – Я сам виноват. Перебрал ви-

на, проклятье, промахнулся!

– А где были все вы? – потребовал Нед ответа у лорда Ренли. – Где был сир Барристан и Королевская гвардия?

Рот лорда Ренли дернулся.

– Брат приказал нам отступить в сторону и не мешать ему брать вепря.

Эддард приподнял одеяло. Они сделали все, что могли, чтобы зашить рану, но этого было мало. Вепрь наверняка был чудовищным. Своими клыками он распорол короля от паха до груди. Пропитанные вином повязки, которые накладывал великий мэйстер Пицель, уже почернели от крови, от раны жутко разило. Желудок Неда перевернулся, он опустил одеяло.

– Воняет, – сказал Роберт, – смертью воняет, не думай, что я не чую. Ловко обошелся со мной этот сукин сын! Но я... я расплатился с ним, Нед. – Улыбка короля была столь же жуткой, как его рана; зубы были в крови. – Я вогнал ему нож прямо в глаз. Спроси их, если не веришь. Спроси.

– Истинно так, – пробормотал лорд Ренли, – мы привезли тушу с собой, как приказал мой брат.

– Для пира, – прошептал Роберт. – А теперь оставьте нас, все оставьте. Я должен поговорить с Недом.

– Роберт, милый мой господин... – начала Серсея.

– Я сказал, *уйдите*, – бросил Роберт с тенью прежней свирепости. – Что в моих словах непонятного, женщина?

Серсея подобрала свои юбки и достоинство и направи-

лась к двери, за ней последовали лорд Ренли и все остальные. Великий мэйстер Пицель помедлил, трясущимися руками предлагая королю чашу густого белого настоя.

– Маковое молоко, ваша светлость. Выпейте, чтобы уменьшить боль.

Роберт отбросил чашу тыльной стороной руки.

– Прочь. И так скоро усну, старый дурак. Убирайся.

С ужасом посмотрев на Неда, великий мэйстер Пицель побрел вон из комнаты.

– Проклятье, Роберт, – проговорил Нед, когда они остались одни. Нога его пульсировала так, что он почти ослеп от боли. Или, быть может, это горе туманило его глаза. Он опустился на кровать рядом с другом. – Ну почему ты всегда был таким упрямым?

– Да пошел ты, Нед, – хрипло проговорил король. – Я прикончил ублюдка, разве нет? – Прядь спутанных черных волос упала ему на глаза, когда он сердито поглядел на Неда. – Надо было бы и тебя тоже. Не можете дать человеку спокойно поохотиться. Сир Робар отыскал меня... Снять голову с Грегора? Ну и идея. Я не сказал Псу, пусть Серсея сама удивит его.

Смех короля превратился в хрип, когда боль пронзила его.

– Боги милосердные, – пробормотал король в муке. – Девочка. Дэйнерис. Всего лишь дитя, ты был прав... Вот почему, из-за девочки... Боги послали вепря... Послали наказать меня... – Король закашлялся, отплевываясь кровью. –

Неправильно, это было неправильно, я... Всего лишь девочка... Варис, Мизинец, даже мой брат... Никчемные... Некому было воспротивиться мне, кроме тебя, Нед. Только ты... – Он с усилием поднял руку. – Бумага и чернила. Там, на столе. Пиши, что я скажу.

Нед разгладил бумагу на колене, взял перо.

– Повинуюсь, ваша светлость.

– По слову и воле Роберта из дома Баратеонов, первого носителя этого имени, короля андалов и так далее... вставишь проклятые титулы, ты знаешь, как они звучат... Повелеваю Эддарду из дома Старков, лорду Винтерфелла и деснице короля, принять обязанности лорда-регента и Хранителя государства после моей... после моей смерти... и править моим именем... до тех пор, пока мой сын Джоффри не достигнет совершеннолетия.

– Роберт...

«Джоффри не твой сын», – хотел сказать Нед, но не смог. Лицо Роберта искажала слишком сильная мука. Он не мог ранить его еще сильнее. И, нагнув голову, лорд Старк принялся писать, но там, где король сказал «мой сын Джоффри», он нацарапал «мой наследник». Эта ложь оставила неприятный осадок в душе. *«О чем только не солжешь ради любви, – подумал он. – Да простят меня боги».*

– Что еще я должен написать?

– Напиши... все что нужно. Хранить и защищать, именем старых богов и новых, ты знаешь слова. Пиши все. Я подпи-

шу. Передашь совету после моей смерти.

– Роберт, – проговорил Нед голосом, полным горя, – ты не должен умирать. Ну постарайся. Страна нуждается в тебе.

Роберт стиснул его руку.

– Ты... неумелый лжец, Нед Старк, – промолвил он, одолевая боль, – страна... страна знает... каким паршивым королем я был. Столь же плохим, как и Эйрис, да простят меня боги.

– Нет, – сказал Нед своему умирающему другу. – Не таким плохим, как Эйрис, ваша светлость. Далеко не таким.

Роберт слабо улыбнулся кровавой улыбкой.

– По крайней мере, скажут... что в последнем... я не ошибся. Ты меня не подведешь. Теперь править тебе. Ты возненавидишь это еще сильнее, чем я... Но ты справишься. Написал?

– Да, ваша светлость. – Нед подал Роберту бумагу. Король вслепую поставил подпись, оставив на бумаге кровавое пятно. – Печать нужно засвидетельствовать.

– Вепря подайте на моих поминках, – скрежетнул Роберт, – с хрустящей корочкой и яблоком во рту. Съешьте ублюдка. Даже если тебе кусок в горло не полезет. Обещай мне, Нед.

– Обещаю.

«Обещай мне, Нед», – эхом отозвался голос Лианны.

– Девочка, – сказал король. – Дэйнерис. Пусть живет. Ес-

ли ты можешь, если это... не слишком поздно... переговоры с ними... с Варисом, Мизинцем, не дай им убить ее. И помоги моему сыну, Нед. Пусть он станет... лучше, чем я. — Он дернулся. — Да смилуются боги над нами.

— Смиляются, мой друг, — обещал Нед. — Обязательно.

Король закрыл глаза и как будто расслабился.

— Был убит свиньей, — пробормотал он. — Можно бы и посмеяться, но слишком уж больно.

Неду не хотелось смеяться.

— Позвать всех назад?

Роберт слабо кивнул:

— Как хочешь. Боги, почему здесь так холодно?

Слуги торопливо вошли и принялись подкладывать дрова в огонь. Королева ушла, принеся этим какое-то облегчение. «Если у нее остались хоть крохи ума, Серсея заберет детей и убежит с ними еще до рассвета, — подумал Нед. — Она и так задержалась здесь слишком долго».

Король Роберт, казалось, не скучал по своей жене. Он попросил своего брата Ренли и великого мэстера Пицеля стать свидетелями и приложил печать к горячему желтому воску, которым Нед капнул на грамоту.

— А теперь дайте мне что-нибудь от боли и позвольте умереть.

Великий мэстер Пицель поспешно смешал ему новую чашу макового молока. На этот раз король выпил все без остатка. Черную бороду усеяли густые белые капли, когда Роберт

отбросил пустую чашу в сторону.

– Я буду видеть сны?

Нед произнес то, что хотел услышать король:

– Да, милорд.

– Хорошо, – улыбнулся король. – Я передам Лианне твою любовь, Нед. Позаботься о моих детях ради меня.

При этих словах Нэд почувствовал, будто у него в животе повернули нож. На мгновение он растерялся. Он не мог заставить себя солгать. А затем вспомнил его бастардов... маленькую Барру у груди матери, Мию, оставшуюся в Долине, Гендри у кузнечного горна и всех остальных.

– Я буду... охранять твоих детей, как своих собственных, – медленно проговорил он.

Роберт кивнул и закрыл глаза. На глазах Неда старый друг тихо осел на подушки, и маковое молоко смыло боль с его лица. Король погрузился в сон.

Тяжелые цепи негромко звякнули, когда великий мэйстер Пицель подошел к Неду.

– Я сделаю все, что в моих силах, милорд, но началось заражение. На дорогу ушло два дня, и я увидел его уже слишком поздно. Я могу уменьшить страдания его светлости, но одни только боги могут теперь исцелить его.

– Сколько ему осталось? – спросил Нед.

– По всем правилам он должен был уже скончаться. Я еще не видел, чтобы человек так яростно держался за жизнь.

– Мой брат всегда был сильным, – заметил лорд Ренли. –

Не слишком мудрым, но сильным.

В обжигающей жаре опочивальни лоб его покрылся испариной. Он мог показаться призраком Роберта – молодой и темноволосый красавец.

– Он убил вепря. Внутренности уже вываливались из его живота, но тем не менее он убил вепря, – произнес он полным удивления голосом.

– Роберт был не из тех, кто оставляет поле боя, пока враг стоит на ногах, – кивнул Нед.

Снаружи сир Барристан Селми по-прежнему охранял башенную лестницу.

– Мэйстер Пицель дал королю маковое молоко. Пригляди-те, чтобы никто не потревожил его без моего разрешения, – распорядился Нед.

– Как прикажете, милорд. – Сир Барристан, казалось, постарел еще более. – Я не сумел исполнить свою священную клятву.

– Даже самый верный рыцарь не может защитить короля от него самого, – проговорил Нед. – Роберт любил охотиться на вепрей. При мне он взял их, наверное, тысячу.

Король не знал трепета, упирался в землю ногами, с огромным копьём в руке, притом нередко ругая зверя, бросавшегося на него, и ожидал – до самого последнего мгновения. И когда вепрь оказывался рядом, убивал несущегося зверя одним коротким и уверенным движением.

– Никто не знал, что именно этот вепрь принесет ему

смерть.

– Вы добры ко мне, лорд Эддард.

– То же самое сказал и король. Он обвинил вино.

Седовласый рыцарь устало кивнул.

– Когда мы выгнали вепря из логова, его светлость едва не сползал из седла, однако он приказал нам отступить.

– Интересно, сир Барристан, – негромко спросил Варис, – а кто дал королю это вино?

Нед не заметил приближения евнуха, но, обернувшись, увидел его. Черное бархатное одеяние Вариса мело по земле, лицо покрывал слой свежей пудры.

– Вино было из собственного бурдюка короля, – проговорил сир Барристан.

– Только одного бурдюка? Охота пробуждает жажду.

– Я не считал. Конечно же, более одного. Оруженосец всегда приносил новый мех по требованию короля.

– Такой услужливый мальчик, – сказал Варис. – Старался, чтобы его светлость не ощущал жажды.

Во рту Неда сделалось горько. Он вспомнил двух светловолосых юнцов, которых Роберт посылал искать кузнеца, чтобы растянуть нагрудник. В тот вечер на пиру король всем рассказывал эту повесть и всякий раз трясся от хохота.

– Который из них?

– Старший, – ответил сир Барристан. – Лансель.

– Я отлично знаю юношу, – сказал Варис. – Преданный молодой человек. Сын сира Кевана Ланнистера, племянник

лорда Тайвина и кузен королевы. Надеюсь, милый мальчик ни в чем не обвиняет себя. Дети в своей юной невинности настолько ранимы! Я это прекрасно помню...

Безусловно, Варис некогда был молодым. Впрочем, Нед сомневался, что он вообще когда-либо был невинным.

– Вы упомянули о детях. Роберт изменил свои намерения в отношении Дэйнерис Таргариен. Какие бы распоряжения вы ни отдали, я хочу, чтобы их отменили. Немедленно.

– Увы, – отвечал Варис, – даже если я сделаю это немедленно, может оказаться слишком поздно. Боюсь, птички уже улетели. Но я сделаю все, что в моих силах, милорд. Прошу вашего прощения. – Он поклонился и скользнул вниз по ступеням, негромко ступая по камням своими мягкими туфлями.

Кейн и Томард помогали Неду перейти мост, когда лорд Ренли выбежал из крепости Мэйгора.

– Лорд Эддард, – окликнул он Неда. – Подождите мгновение, будьте любезны.

Нед остановился.

– Как вам угодно.

Ренли подошел к нему.

– Отошлите ваших людей.

Они остановились на середине моста, над сухим рвом. Лунный свет серебрил острия пик, усаживающих его дно.

Нед махнул. Томард и Кейн склонили головы и почтительно отступили. Лорд Ренли с опаской поглядел на сира Боро-

са, стоявшего на дальнем конце моста, и на сира Престона у входа в башню.

— Это письмо. — Он наклонился поближе. — Речь шла о регентстве? Мой брат назначил вас Хранителем?

Ренли не дожидался ответа.

— Милорд, в моей собственной гвардии тридцать человек, есть друзья среди рыцарей и лордов. Предоставьте мне час, и я отдам в ваши руки сотню мечей.

— И что я сделаю с сотней мечей, милорд?

— *Нанесете удар!* Немедленно, пока замок спит. — Ренли снова взглянул на сира Бороса и понизил голос до настоящего шепота. — Мы должны отлучить Джоффри от матери и взять его под контроль. Хранитель или нет, но кто владеет королем, тот владеет королевством. Надо захватить Мирцеллу и Томмена. Если дети будут у нас, Серсея не посмеет сопротивляться. Совет подтвердит вашу власть лорда-хранителя и отдаст Джоффри под вашу опеку.

Нед холодно поглядел на него.

— Роберт еще не умер, и боги могут пощадить его. А если нет, то я созову совет для того, чтобы выслушать его последнюю волю и обсудить вопросы наследования, однако я не буду бесчестить его последние часы на земле, проливая кровь в его покоех и вытаскивая испуганных детей из постелей.

Лорд Ренли отступил назад, напряженный как тетива.

— С каждым мгновением промедления Серсея получает лишнее время на подготовку. И когда Роберт умрет, его мо-

жет не хватить... нам.

– Тогда следует молиться, чтобы Роберт не умер.

– На это шансы невелики, – ответил Ренли.

– Иногда боги милосердны.

– Но не Ланнистеры. – Лорд Ренли повернулся и направился назад через ров к башне, где лежал его умирающий брат.

К тому времени как Нед вернулся в свои покои, он чувствовал себя усталым и подавленным, но о том, чтобы поспать, не было даже речи, только не сейчас. *«В игре престолов либо побеждают, либо погибают»*, – сказала ему Серсея Ланнистер в богороще. Нед подумал, не ошибся ли он, отказавшись от предложения лорда Ренли. Он не любил подобных интриг, к тому же бесчестно угрожать детям, и все же... если Серсея решила сопротивляться, а не бежать, ему не хватит даже тех мечей, которые предложил Ренли.

– Мне нужен Мизинец, – сказал он Кейну. – Если он сейчас не у себя, возьмите столько людей, сколько потребуется, и обыщите все винные погребки и бордели в Королевской Гавани, но найдите его и доставьте ко мне до рассвета.

Кейн поклонился и направился прочь.

Нед обратился к Томарду:

– «Ведьма ветров» отправляется с вечерним приливом.

Ты выбрал свиту?

– Десять человек, старшим – Портер.

– Двадцать, старшим поедешь ты, – сказал Нед. Портер

человек отважный, но недалекий. Девочек он мог доверить лишь человеку более надежному и разумному.

— Как пожелаете, м'лорд, — поклонился Том. — Не могу сказать, что мне будет жаль расстаться с этим местом. Я соскучился по жене.

— Вы пройдете мимо Драконьего Камня, когда повернете на север. Я хочу, чтобы вы передали письмо.

Том встревожился.

— На Драконий Камень, м'лорд? — Островная крепость дома Таргариенов пользовалась мрачной репутацией.

— Велите капитану Косу поднять мой стяг, как только он увидит остров: там могут опасаться незваных гостей. Если капитан проявит нерешительность, предложите ему все, что он захочет. Я дам тебе письмо, передашь его в собственные руки лорда Станниса Баратеона. И никому более: ни управляющему, ни капитану его гвардии, ни его леди-жене, только самому лорду Станнису.

— Как прикажете, м'лорд.

Когда Том оставил его, лорд Эддард Старк сел, не отводя глаз от огонька свечи, горевшей перед ним на столе. На мгновение им овладело горе. Больше всего ему хотелось отыскать богорошу, встать на колени перед сердце-деревом и молиться за жизнь Роберта Баратеона, который был ему больше чем братом. Пусть люди шепчут потом, что Эддард Старк предал своего короля, что лишил наследства его сыновей; ему осталось только надеяться, что боги не допустят этого и что Ро-

берт все равно узнает правду в стране, что начинается по ту сторону могилы.

Нед вынул последнее письмо короля, свиток хрустящего белого пергамента, запечатанный золотым воском... несколько коротких слов и пятно крови. Сколь же невелика разница между победой и поражением, между жизнью и смертью!

Он извлек свежий листок бумаги и обмакнул перо в чернильницу.

«Его светлости Станнису из дома Баратеонов, – написал он. – Когда вы получите это письмо, ваш брат Роберт, король, правивший нами последние пятнадцать лет, будет мертв. Он был убит вепрем на охоте в Королевском лесу...»

Буквы, казалось, змеились и дергались на бумаге, и рука Неда остановилась. Лорд Тайвин и сир Джейме не из тех, кто станет смиренно выносить позор. Они скорее будут сражаться, чем побегут. Конечно, лорд Станнис вел себя осторожно после смерти Джона Аррена, но дело требовало, чтобы он немедленно явился в Королевскую Гавань со всей своей силой, прежде чем Ланнистеры выступят.

Нед старательно выбирал слова. Закончив, он подписал письмо: «Лорд Эддард Старк, лорд Винтерфелла, десница короля и Хранитель государства». Промокнув бумагу, он дважды сложил ее и расплавил над свечой воск для печати.

Глядя на плавящийся воск, Нед думал о том, что его ре-

гентство будет коротким. Новый король выберет собственного десницу. Он сможет вернуться домой. Мысль о Винтерфелле заставила его слабо улыбнуться. Ему хотелось снова услышать смех Брана, отправиться на соколиную охоту вместе с Роббом, посмотреть на игры Рикона. Он хотел заснуть в собственной постели, крепко обнимая жену, и не видеть снов.

Кейн вернулся, когда Нед оттикнул на мягком белом воске лютоволка Старков. Вместе с Десмондом он привел Мизинца. Поблагодарив своих гвардейцев, Нед отослал их.

Лорд Петир был облачен в синюю бархатную тунику с пышными рукавами, его серебристый плащ был расшит пересмешниками.

– Предполагаю, я должен принести поздравления, – сказал он усаживаясь.

Нед нахмурился.

– Король лежит раненый, он близок к смерти.

– Я знаю, – отвечал Мизинец. – Но мне известно, что он назначил вас Хранителем государства.

Глаза Неда метнулись к письму короля, лежавшему на столе; печать была цела.

– А откуда вам это известно, милорд?

– Намекнул Варис, – сказал Мизинец, – да и вы только что подтвердили.

Рот Неда гневно дернулся.

– Проклятье Варису и его птичкам! – Кэтлин была права:

человеку этому известна какая-то черная магия. — Я не доверяю ему.

— Великолепно. Вы учитесь. — Мизинец наклонился вперед. — И все же бьюсь об заклад, что вы притащили меня сюда посреди ночи не для того, чтобы поговорить о евнухе.

— Нет, — согласился Нед. — Я знаю секрет, который погубил Джона Аррена. Роберт не оставит после себя истинного наследника. Джоффри и Томмен — бастарды Джейме Ланнистера, рожденные от кровосмесительного союза с королевой.

Мизинец приподнял бровь.

— Удивительно, — проговорил он вовсе не удивленным голосом. — И девочка тоже? Вне сомнения. Итак, когда король умрет...

— Трон должен по праву перейти к лорду Станнису, старшему из двух братьев Роберта.

Лорд Петир погладил свою остrokонечную бородку, обдумывая вопрос.

— Похоже на то, если только...

— Что *если только*, милорд? Неопределенности быть не может. Станнис является истинным наследником, и ничто не может отменить этого.

— Станнис не сумеет занять престол без вашей помощи. Ну а если вы наделены мудростью, то постараетесь, чтобы престол наследовал Джоффри.

Нед ответил ему каменным взглядом.

— Неужели у вас нет и лоскутка чести?

— О, *лоскуток*, конечно, найдется, — небрежно ответил Мизинец. — Выслушайте меня. Станнис не друг ни вам, ни мне. Даже собственные братья едва его выносят. Этот человек выкован из железа, жесткого и неподатливого. Он назначит нового десницу и новый совет, это уж вне сомнения. Уверен, что он только поблагодарит вас за то, что вы передали ему корону, но не станет испытывать к вам любви. К тому же его восшествие на престол означает войну. Станнис не сможет спокойно пребывать на троне, пока не погибнет Серсея со своими бастардами. Или вы думаете, лорд Тайвин будет невозмутимо смотреть, как насаживают на пику голову его собственной дочери? Утес Кастерли поднимется, и не один. Роберт простил людей, служивших королю Эйрису, при условии, что они покорятся ему. Станнис не столь снисходителен. Он не забудет осаду Штормового Предела, а лорды Тирелл и Редвин не посмеют забыть. У каждого, кто воевал под знаменем дракона или восстал с Бейлоном Грейджоем, появятся веские причины для страха. Усадите Станниса на Железный трон, и клянусь, страна обagrится кровью.

А теперь посмотрим на другую сторону монеты. Джоффри всего двенадцать, и Роберт передал регентство вам, милорд. Вы — десница короля и Хранитель государства. Власть принадлежит вам, лорд Старк. Вам нужно лишь протянуть руку и взять ее. Помиритесь с Ланнистерами, освободите Беса, обвенчайте Джоффри с вашей Сансой. Обвенчайте ва-

шу младшую девочку с принцем Томменом, наследника – с Мирцеллой. Джоффри достигнет зрелости лишь через четыре года. К тому времени он будет видеть в вас второго отца, ну а если же нет... четыре года – это долгий срок, милорд. Достаточно долгий, чтобы управиться с лордом Станнисом, ну а потом, если Джоффри будет вызывать беспокойство, мы сможем открыть его маленький секрет и возвести на престол лорда Ренли.

– *Мы?* – спросил Нед.

Мизинец пожал плечами:

– Бремя власти лучше разделить с кем-нибудь еще. Уверю вас, цена моя будет самой умеренной.

– Ваша цена, – произнес Нед ледяным тоном. – Лорд Бэйлиш, вы предлагаете измену.

– Только если мы проиграем.

– Вы забыли кое о чем, – заметил Нед. – О Джоне Аррене... о Джори Касселе и об этом... – Он выложил кинжал на стол между ними. Драконья кость и валирийская сталь, острая, как грань между правильным и неправильным, правдой и ложью, жизнью и смертью. – Они подослали человека, чтобы перерезать горло моему сыну, лорд Бэйлиш.

Мизинец вздохнул:

– Боюсь, я и правда забыл, милорд. Прошу простить меня. На какое-то мгновение я забыл, что разговариваю со Старком. – Он усмехнулся. – Значит, будет Станнис и война?

– Выбора нет, наследник – Станнис.

– Не мне обсуждать решения лорда-хранителя. Зачем я тогда потребовался вам? Безусловно, не ради мудрого совета.

– Я постараюсь по возможности забыть ваш... мудрый совет, – проговорил Нед с отвращением. – Я позвал вас, чтобы попросить о помощи, которую вы обещали Кэтлин. Для всех нас настало опасное время. Роберт назначил меня Хранителем, однако в глазах света Джоффри остается его сыном и наследником. У королевы есть дюжина рыцарей и сотня вооруженных людей, которые сделают то, что она прикажет... Их достаточно, чтобы справиться с остатками моей гвардии. Насколько я знаю, ее брат Джейме, возможно, уже скачет в Королевскую Гавань во главе войска Ланнистеров.

– А у вас нет армии. – Мизинец принялся играть с кинжалом на столе, медленно крутя его пальцем. – Лорд Ренли и Ланнистеры не испытывают особой любви друг к другу. Бронзовый Йон Ройс, сир Бейлон Свann, сир Лорас, леди Танда, близнецы Редвины... у всех них есть свита рыцарей и присяжные мечи при дворе.

– У Ренли тридцать человек в его личной гвардии, у остальных еще меньше. Этого недостаточно, даже если бы я мог быть уверен в их верности. Я должен рассчитывать на поддержку золотых плащей. В городской страже две тысячи мечей, поклявшихся защищать замок, город и королевский мир.

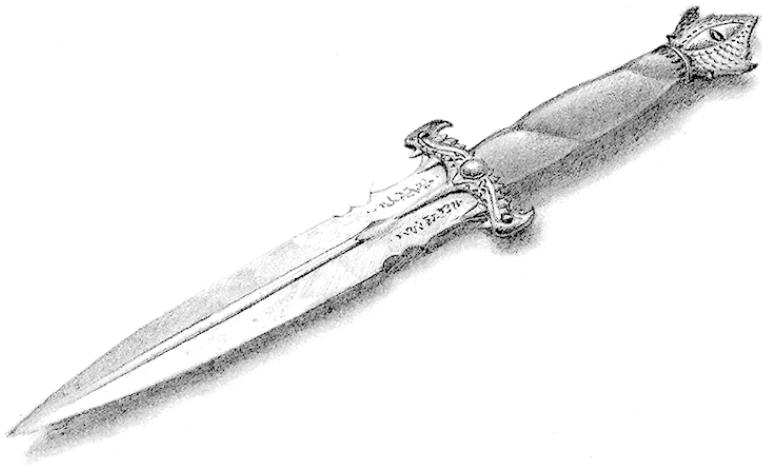
– Да, но что будет, если королева объявит одного короля,

а десница другого, чей мир будет тогда защищать стража?

Лорд Петир резко крутнул кинжал пальцем. Оружие кружилось и кружилось, дергалось при каждом обороте. И когда наконец кинжал замер, острие его указывало на Мизинца.

— Ну что ж, вот и ответ, — сказал он улыбаясь. — Они пойдут за тем, кто им заплатит. — Он откинулся назад и поглядел Неду прямо в лицо; в его серо-зеленых глазах светилась насмешка. — Старк, вы закованы в свою честь, словно в доспехи. Вы думаете, что она способна сохранить вам жизнь, но она только отягощает вас, мешает шевелиться. Поглядите на себя! Вы знаете, почему призвали меня сюда. Вы знаете, о чем хотите попросить меня. Вы знаете, что это нужно сделать... но это *бесчестно*, и поэтому слова застревают в вашей гортани.

Шея Неда напряглась. На миг он настолько разгневался, что заставил себя молчать.

Мизинец расхохотался.

– Мне бы следовало попросить вас произнести все вслух, однако это чрезмерно жестоко, поэтому не опасайтесь, мой добрый лорд. Ради той любви, которую я испытываю к Кэтлин, я отправлюсь к Джаносу Слинту прямо сейчас и удостоверюсь, что городская стража поддержит вас. Хватит шести тысяч золотых: треть командиру, треть офицерам, треть людям. Мы могли бы купить их и за половину этой суммы, однако я не хочу рисковать. – С улыбкой он взял со стола кинжал и подал его Неду рукоятью вперед.

Джон

Джон завтракал яблочным пирогом и кровяной сосиской, когда Сэмвелл Тарли плюхнулся возле него на скамью.

– Меня вызвали в септу, – проговорил Сэм взволнованным шепотом. – Меня снимают с обучения. Я стану братом вместе со всеми вами. Можешь ли ты в это поверить?

– Неужели?

– В самом деле. Я буду помогать мэйстеру Эймону в библиотеке и с птицами. Ему нужен человек, умеющий писать и читать.

– Ты превосходно справишься с этим делом, – улыбнулся Джон.

Сэм тревожно огляделся вокруг.

– Не пора ли идти? Я не хочу опоздать, а то вдруг передумают... – Он чуть ли не подпрыгивал, когда они пересекали заросший травой двор. День выдался теплый и солнечный. Ручейки воды стекали вниз по стене, лед сверкал и искрился.

Внутри септы огромный кристалл ловил утренний свет, струившийся в обращенное на юг окно, и радугой разливал его над алтарем. Заметив Сэма, Пип невольно открыл рот, и Жаба ткнул Гренна в ребра, но никто не посмел сказать даже слова. Септон Селладар, размахивая кадильницей, наполнял воздух благоуханием, напоминавшим Джону о крошечной септе леди Старк в Винтерфелле. На этот раз септон,

похоже, был трезв.

В полном составе вошли высшие офицеры: мэйстер Эймон, опирающийся на Клидаса, сир Аллисер, мрачно блеснувший холодным взглядом, лорд-командующий Мормонт во всем великолепии черного шерстяного дублета с посеребренными застёжками из медвежьих когтей. За ними следовали старшины трех орденов: краснолицый Боуэн Марш, лорд-стюард, первый строитель Отелл Ярвик и сир Джареми Риккер, командовавший разведчиками в отсутствие Бенджена Старка.

Мормонт стал перед алтарем, радуга сверкала на его широкой лысине.

– Вы пришли к нам преступниками, – начал он. – Браконьерами, насильниками, должниками, убийцами и ворами. Вы пришли к нам детьми. Каждый из вас пришел к нам в одиночестве и цепях, не имея ни друга, ни чести. Вы пришли к нам бедными и богатыми. Некоторые из вас носят гордые имена, у других имена бастардов или нет имени вообще. Теперь это безразлично. Все ушло в прошлое. Здесь, на Стене, мы одна семья.

Вечером, когда солнце опустится и мы обратимся лицом к собирающейся ночи, вы примете свой обет. И тогда навсегда станете братьями, присягнувшими на верность Ночному Дозору. Преступления ваши будут смыты, долги прощены. Поэтому вы должны отречься от прежних привязанностей, забыть про былую вражду, прошлые обиды и симпатии.

И все для вас начинается заново.

Дозорный живет ради своей страны... не ради короля, не ради лорда, не ради чести своего дома, не ради золота, не ради славы, не ради женской любви. Он служит государству и всем людям в нем. Дозорный не берет жены и не родит сыновей. Наша жена – долг, наша любовница – честь, а вы – единственные сыновья, которые будут у нас.

Вы заучили слова обета. Подумайте же, прежде чем произнести их. Потому что тот, кто надел черное, не может снять его. Наказание за дезертирство – смерть. – Старый Медведь помедлил мгновение и добавил: – Есть ли среди вас такие, которые хотят оставить наше общество? Если так, уходите немедленно, и никто не подумает о вас худо.

Никто не шевельнулся.

– Отлично! – проговорил Мормонт. – Вы можете принять ваши обеты вечером, перед септоном Селладаром и главой вашего ордена. Есть ли среди вас поклонники старых богов?

Джон встал:

– Я, милорд.

– Полагаю, ты принесешь свой обет перед сердце-деревом, как сделал твой дядя?

– Да, милорд, – ответил Джон. Боги септы не имели к нему отношения. Кровь первых людей текла в жилах Старков.

Он услышал позади себя шепот Гренна:

– Но здесь же нет богорощи, или не так? Я никогда не видел ее...

– Ты не заметишь даже стада зубров, пока их копыта не втопчут тебя в снег, – шепнул Пип.

– Да ну, что ты, – возразил Гренн. – Зубров-то я бы увидел издалека.

Мормонт сам рассеял сомнения Гренна:

– Черный замок не нуждается в богороще. За Стеной стоит Проклятый лес, как стоял он в Рассветные века, задолго до того, как андалы принесли Семерых из-за Узкого моря. Ты найдешь рощу чардрев в половине лиги от этого места, а в ней, быть может, и своих богов.

– Милорд. – Голос заставил Джона с удивлением оглянуться. Сэмвелл Тарли поднялся на ноги. Толстяк вытирал свои потные ладони о тунику. – А можно... можно я тоже пойду? Чтобы произнести свои слова перед этим сердце-деревом.

– Разве дом Тарли хранит верность старым богам? – спросил Мормонт.

– Нет, милорд, – ответил Сэм тонким взволнованным голосом. Старшие офицеры пугали его – Джон знал об этом, – и Старый Медведь больше всех. – Я получил имя в свете Семерых в септе на Роговом Холме, как и мой отец, и как его отец, и как все Тарли за последнюю тысячу лет.

– Зачем же тогда ты хочешь отречься от богов своего отца и своего дома? – удивился сир Джареми Риккер.

– Теперь мой дом – Ночной Дозор, – сказал Сэм. – Семеро не ответили на мои молитвы. Быть может, это сделают старые

боги.

— Как хочешь, парень, — ответил Мормонт. Сэм опустился на свое место, Джон тоже. — Мы назначили каждого из вас в орден, как того требует наша нужда и как позволяют ваши сила и умение.

Боуэн Марш шагнул вперед и вручил ему листок. Лорд-командующий развернул его и начал читать.

— Халдер, к строителям, — начал он. Халдер коротко и одобрительно кивнул. — Гренн в разведчики. Албетт к строителям. Пипар в разведчики. — Пип поглядел на Джона и шевельнул ухом. — Сэмвелл в стюарды. — Сэм вздохнул с облегчением и промокнул лоб шелковым платком. — Маттар, в разведчики. Дареон, в стюарды. Тоддер, в разведчики. Джон в стюарды.

«В стюарды?» Мгновение Джон не мог поверить тому, что услышал. Должно быть, Мормонт ошибся. Он уже начал подниматься и приоткрыл свой рот, чтобы сказать, что произошла ошибка... но тут он увидел сира Аллисера, изучавшего его лицо глазами, блестящими, как два кусочка обсидиана, и все понял.

Старый Медведь свернул бумагу.

— Главы орденов наставят вас в ваших обязанностях. Да сохраняют вас боги, братья. — Лорд-командующий почтил их полупоклоном и удалился. Сир Аллисер направился к ним с тонкой улыбкой на лице. Джон никогда не видел еще мастера над оружием столь счастливым.

– Разведчики, ко мне, – сказал сир Джареми Риккер, когда они ушли. Поглядев на Джона, Пип медленно поднялся. Уши его побагровели. Гренн широко ухмыльнулся, он как будто не понимал, что все сложилось не так. Матт и Жаба встали с ними рядом и последовали за сиром Джареми из септы.

– Строители, – объявил Отелл Ярвик, человек с квадратной челюстью. Халдер и Албетт последовали за ним.

Джон оглянулся, не веря, что это происходит на самом деле. Слепые глаза мэстера Эймона были обращены к свету, которого он не мог видеть. Септон поправлял кристаллы на алтаре. Лишь Сэм и Дареон оставались на скамье; толстяк, певец... и он сам.

Лорд-стюард Боуэн Марш потер свои пухлые руки.

– Сэмвелл, ты будешь помогать мэстеру Эймону в птичнике и библиотеке. Черт отправится на псарню заниматься собаками. Ты займешь его келью, чтобы не разлучаться с мэстером ни ночью, ни днем. Я рассчитываю, что ты как следует позаботишься о нем. Мэйстер очень стар и весьма дорог нам.

Дареон, мне говорили, что ты много раз пел за столами знатных лордов и ел их мясо и мед. Мы посылаем тебя в Восточный Дозор. Возможно, твой опыт в этих делах поможет Коттеру Пайку, когда придут купеческие галеи. Дозор явно переплачивает за солонину и соленую рыбу, а качество оливкового масла, которое мы получаем оттуда, сделалось невоз-

можным. Представься Боркасу, когда прибудешь. Он займет тебя между прибытием кораблей.

Марш обернулся с улыбкой к Джону:

– Лорд-командующий Мормонт потребовал, чтобы ты прислуживал ему лично, Джон. Ты будешь спать в келье под его палатами, в башне лорда-командующего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.